

ДМИТРИЙ БИЛИК

ГОРОД

ЖИЛЫЕ
МАССИВЫ

Дмитрий Александрович Билик
Город. Жилые массивы
Серия «Город», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68778525

Город. Жилые массивы:

Аннотация

У нас было две банки сгущенки, семьдесят пять единиц тушенки, пять упаковок шоколада, целое множество суповых концентратов всех сортов и расцветок, консервированное рагу, а также галеты, сахар, джем, черный байховый чай и два вида повидла. Не то, чтобы это был необходимый запас для похода в теплые земли, но если начала запасаться, то уже трудно остановиться. Единственное, что вызывало у меня опасение – Шипастый. С каждым днем он становился все более угрюмым и замкнутым. Я понимала, рано или поздно мы узнаем причину его поведения.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	46
Глава 5	59
Глава 6	73
Глава 7	87
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Дмитрий Александрович Билик Город. Жилые массивы

*Любой, кто считал, что апокалипсис не наступит, отрицал очевидное.
Джейми Макгвайр. «Красный холм»*

Глава 1

В жизни побеждает именно та реальность, которая наиболее убедительна. Истина простая, как открытый канализационный люк посреди оживленной дороги. Ты можешь делать вид, что его не существует, однако если влетишь колесом, то точно почувствуешь.

Наша реальность сейчас свелась к максимальному выживанию в новых условиях, которые предложил нам Голос. Ну, как предложил... Вывалил перед нашим порогом громадную смердящую кучу и теперь с любопытством наблюдал, что мы с ней будем делать.

Для начала я предпринял самое простое и разумное решение: необходимо уплотняться. Понятно, что после комфортного существования в отдельных квартирах идея военного общежития не вызвала всеобщего восторга. Кроме, раз-

ве что, Алисы. Кровавая ведьма была довольна как слон, почему-то решив, что я так витиевато предложил ей съехаться.

Мы вырубili проходы в стенах, соединив таким образом все квартиры на самом верхнем этаже. Следом под чутким руководством Гром-Бабы стали утеплять ватой и бумагой оконные рамы. Алиса сначала даже не совсем поняла, зачем это все. Ну да, ну да, просто позвонили бы в компанию по установке пластиковых окон, они бы приехали и все сделали.

А тем временем Кора, уже под моим надзором, соорудила нечто вроде буржуйки с выходящей в форточку трубой. После пары дней проб и усовершенствований мы учли все ошибки и сделали вторую, практически готовую для внедрения в массовое производство печь. Расположили ее в дальней части нашей огромной квартиры, где находилось больше всего жилых комнат.

Были, конечно, еще и газовые плиты. Вот только после долгого отапливания ими у многих начинала болеть голова. Да и неизвестно, что будет завтра. Вдруг Голос решит, что мы недостойны народного достояния?

После тщательного осмотра всех щелей и последующего их затыкания, замазывания, законопачивания мы оставили единственную дверь, через которую можно было попасть внутрь. Ту самую, мою. И надо сказать, добились своего.

Благодаря двум работающим буржуйкам температура в квартирах установилась на уровне четырнадцати-пятнадцати градусов. В комнатах с печками, само собой, было потеп-

лее. Они и стали своеобразными местами силы, где почти всегда собиралась большая часть группы.

Дров для отопления нам хватало с лихвой. Деревянной мебели в окрестных кварталах было в изобилии. Единственное, теперь появилась новая дежурная должность – «хранителя очага». Не то чтобы развести огонь являлось большой проблемой, но, пару раз проснувшись в холодной квартире, мы решили, что нам это не нравится.

Самым главным неудобством оставался караул на крыше. Мы по возможности утеплили выход наружу, соорудив нечто вроде тонких стен из подручных материалов – в основном фанеры и ДСП. Однако «будка» спасала лишь от резких порывов ветра, не более. А между тем средняя температура на улице была около минус пяти градусов Цельсия. Не скажу, что холодрыга страшная, но после шести часов на морозном воздухе они вполне ощущались как двадцать. Чудо, что пока никто не свалился с соплями. Что, кстати, меня тоже наводило на некоторые размышления. Месячных у женщин не было, с этим разобрались. Теперь вроде как выходило, что и респираторными заболеваниями мы не страдали, хотя должны были. Это что за суперменов готовил Город?

Грубо говоря, пока мы попросту выживали и выжидали. Вдруг Голос смилостивится или придумает что-нибудь еще? Кто знает, что в голове у этого большого ублюдка.

И вместе с тем я не расслаблялся. Да и голоса внутри то ли головы, то ли артефакта (уже и не разобрать) не позволяли

этого сделать. В трудные времена за неимением горничной всегда ебут дворника. Это мне по секрету поведал Грубиян – один из самых неразговорчивых обитателей Сердца.

А так получалось, что в нашем теперешнем положении виноват был только один человек – я. Кто еще ослушался Голоса и обрек себя и Молчунов на жизнь в зимнем Городе? Кто послал в задницу местного губернатора, при котором так похорошел Город, и решил, что спокойно проживет без него? Конечно, мои не говорили ничего подобного, но развившаяся паранойя, которую лишь подогревали внутренние голоса, ловила каждый взгляд, истолковывая его превратно. И я понимал, что эти засранцы больше всего хотят, чтобы я сошел с ума или перестрелял свою группу. Однако уговорить себя, что весь мир не хочет мне навредить, я не мог. Да и исходя из опыта обычно мои подозрения по тайному масонскому заговору оказывались правдой.

Три одиноких удара рынды, прозвучавших с одинаковым интервалом, вывели меня из раздумий. Так мы теперь обозначали своих, вернувшихся из разведки. Справедливости ради, только Крыл и отправлялся исследовать снежный Город. Хорошо, что его хитиновая броня не позволяла телу в режиме боевой трансформации быстро остывать. А отогреться всегда можно в заброшенных кварталах, по-варварски разведя костер прямо посреди квартиры.

Легкие шаги по крыше возвестили, что Слепой, оставшийся в дозоре, не ошибся. Крыл действительно вернулся. И

надо сказать, наш женский коллектив тут же оживился. Так получилось, что мы большую часть дня были заперты внутри квартиры, где, само собой, ничего не происходило. Так и с ума сойти недолго. Уж я-то знаю. А возвращение Крыла – всегда новости. Да и не только.

Не прошло и нескольких секунд, как возле двери появились две особи, позабывшие свои имена. Теперь их можно было называть Чепринес и Ченашел. Только Гром-Баба, занятая приготовлением ужина, не бросилась навстречу пацану.

Входная дверь с трудом открылась, впуская холодный воздух и одного озябшего Крылатого, и мы буквально затолкали разведчика внутрь.

– У-у-у! – зарычал пацан, сразу устремившись к буржуйке. Он сел возле нее, грея побелевшие до костяшек пальцы.

– Алиска, чаю ему дай, вон налила, – приказала Гром-Баба. – Он не кипяточный, но еще горячий.

На удивление, кровавая ведьма даже спорить не стала, метнувшись кабанчиком за железной кружкой. Крыл, правда, чай не взял. Жестом попросил поставить на пол, зажав пальцы между ног.

– Если больно, можешь поорать, – сказал я. – Давай сюда руки, разотру немного, чтобы кровь прилила.

– У-у-у! – повторил пацан. – Больно, дядя Шип, больно!

– Знаю. Пару минут, и отпустит.

– Ага, и станет еще хуже, – хохотнула Бумажница. – По-

тому что конца-края этому не видно, пока все ходят под руководством Шипика.

Я даже не ответил ей ничего. Слова павшей валькирии вызвали у меня примерно те же чувства, что ржавая тупая пила, которой у тебя пытаются отнять больную ногу без наркоза. Однако понимал и еще кое-что. Самое малое, что можно сделать, – игнорировать Бумажницу и не давать понять, что она меня бесит. Сейчас еще пару шпилек вставит и заткнется.

– У-у-у, – тем временем скорее выдохнул, чем заорал пацан. И осторожно взял в руки чай. – Сегодня холоднее, чем обычно.

– Не холоднее, просто ветер поднялся, – я почесал небритую щеку.

– Крылик, а что ты принес? – не удержалась Алиса.

– Вот, – тот вытащил несколько тюбиков. – Шампунь, бальзам для ополаскивания, какие-то крема.

С ловкостью диких кошек Алиса с Корой вцепились в «подарки». Причем большая часть досталась моей пассивности. Правда, совсем ненадолго. Поразглядывая тюбики, Алиса отдала несколько из них своей подружке по несчастью.

– Крыл, я же сказала, мне нужен крем для чувствительной кожи. А ты взял для жирной.

– Алиса, совесть имей, – ответил я вместо пацана. – Тут тебе что, «Золотое яблоко»? Иди давай, не мешай.

– Может, я послушать хочу.

– Потом все всем расскажем.

Настроения играть в демократию у меня не было.

Я подождал, пока мы не остались в комнате вдвоем. Вдалеке слышалось недовольное бормотание Алисы, а совсем рядом щелкали в буржуйке подлокотники сломанного кресла. От лака, которым их покрывали, немного слезились глаза и щипало в носу.

– Ну что, Крыл?

– Пляши, дядя Шип, – улыбнулся он. – Ну, так моя мама говорила.

– Так и говорила: «Пляши, дядя Шип»?

– Нет, просто говорила, чтобы плясал. Блин, сбил ты меня. В общем, вот.

Он достал из инвентаря пятилитровую баклажку с водой и поглядел на мое удивленное лицо, явно довольный реакцией. Еще бы, мы в последнее время пили талую воду, полученную из снега. Да, пусть пропущенную через допотопную систему фильтрации из ваты, угля и бумажных салфеток. Вата использовалась для механической очистки, уголь убирал хлор и все его соединения, салфетки устраняли взвеси, не способные растворяться. Другое дело, что и менять подобный фильтр приходилось часто.

А тут вода. Я скрутил крышку. Самая настоящая. Чуть пахнет металлом, но это ничего. Уж всяко лучше того, что мы пили.

– Где? – только и спросил я.

– Далеко, – Крыл протянул мне руку.

Быстро обменявшись данными, я открыл свою карту. «Далеко» – это пацан меня пожалел. Конечная точка маршрута Крыла находилась чуть дальше места, где волки боялись срать. Я изменил масштаб, прикинув, сколько бы нам пришлось идти туда пехом. Выходило, что четыре-пять дней бодрым маршем, не меньше. По тому, прошлому Городу, не занесенному снегом.

– Я не знаю, как у Голоса это получается, но там нет зимы, – сказал Крыл. – И вода есть. Ну, это ты и сам понял. А главная улица очень странная, она намного шире наших.

– Границы районов, – кивнул я, вспомнив то, о чем говорил Голос.

Значит, наказан действительно не весь Город, а только мы.

– Я прочертил там небольшую линию границы красным, сколько успел разведать. Теперь хотя бы знаем, где спасение. Да, дядя Шип?

Вопрос, что называется, со звездочкой. С одной стороны, Крыл прав. Там есть вода и тепло. Это из плюсов. Из минусов – мы не знаем, что нам грозит, с кем придется столкнуться во время путешествия и кто ждет нас в конечной точке. И опять же, нам нужно будет отстраивать укрепления заново. Здесь мы максимально защищены, даже от проклятых грызунов, крохотная часть полчищ которых таки добралась до высоких стен нашей крепости и была незамедлительно уничтожена.

– Надо думать, – сказал я.

– Ой, Шипик испугался, – прокомментировала мои слова Бумажница. – Храбрый Шипик наложил в штаны. Он готов всю жизнь прожить в этой ледяной цитадели, лишь бы не высовываться за стены.

– Заткнись! – буркнул я.

– Да я вроде молчу, дядя Шип, – пожал плечами Крыл. Дожили, я теперь на валькирию вслух реагирую. Тревожный звоночек. А что будет дальше?

– Что-нибудь еще заметил? – спросил я Крыла.

– Два новых очага, – отрапортовал пацан. – Я их там пометил. Небольшие, кстати. Можно их...

– Нет, – резко обрубил я, зная, к чему клонит Крыл. – В жопу Голос и его игры. Пусть сам вычищает свои очаги. Рисковать не будем.

Разведчик пожал плечами, даже не пытаясь оспаривать мое решение. Знал, что это все равно бесполезно. Я же продолжал изучать карту: шесть очагов, два из которых свежие и на значительном расстоянии друг от друга (появились явно после очередной волны), корявые пометки Крыла по поводу целых кварталов, жирная красная точка в отдалении... Так, стоять-бояться!

– Это что за отмеченная фигня к западу от ближайшего к нам очага? – спросил я.

– А... я еще не говорил, что ли? – протянул пацан, но глаза забегали.

Вот много чего Крыл умел, а вранье в список его талантов

не входило. С точки зрения житейского быта – плохо, для меня же – просто отлично.

– Рассказывай.

– Помнишь алтарь за кварталом людоедов? – сказал Крыл и поежился. Явно не от холода, пацан уже отогрелся.

– Ну!

– И этого ненормального, который там был?

– Крыл, не тяни кота за причинно-следственные связи.

– Вот там что-то похожее. Точнее, такой же мужик. В плаще длинном с капюшоном, и все такое. Только он странный...

– А первый-то был нормальный, я и забыл.

– Нет, дядя Шип. Он неподвижно стоит, вроде статуи. А глаза живые. Я когда приземлился там, на него взглянул – кожа дыбом встала. Захотелось бежать куда подальше. Хотя, чего там, я и сбежал. Духу не хватило вернуться и осмотреть все как следует.

Наверное, Крыл – единственный из нас, кто мог говорить о своем страхе искренне. Ему многое прощалось в силу возраста. Меня самого пробрало при воспоминании о проклятом жреце, но был и еще один интересный момент. Фанатик представлял собой нечто вроде живого существа, которое, как подсказывало мне внутреннее чутье, вполне можно поглотить и на время забыть о грозящем сумасшествии.

Осталось всего ничего – дожждаться волны, когда вся мерзость выползет наружу, а статуя оживет. Вот это существен-

ный минус, учитывая, что последняя волна была неделю назад. А выходить придется заранее, туда пехом часа четыре, если не больше. И что делать?

– Дядя Шип, только не говори, что ты собрался...

– Хорошо, не буду, – ответил я. – Все, Крыл, иди отдыхай, мне подумать надо.

Этого мне сделать, конечно, не дали. Бумажница была тут как тут.

– Что, Шипастый, собрался куда-то? Даже чайку не попьешь? Зачем подставлять под удар всю группу? Нам же так хорошо с тобой.

Пришлось применить немалую выдержку, чтобы ничего не ответить ей. Кстати, остальных пару дней вообще не слышно. Хотя Женщина и тот же Хриплый любили поболтать. Что с ними эта стерва сделала?

Но в одном Бумажница была права: рисковать остальными ради собственного психического здоровья – это слишком даже для такого эгоиста, как я. Оставалось одно, самое мерзкое и неприятное – разговаривать. А точнее, признаваться в своей ущербности.

– Ужин! – совсем кстати крикнула Гром-Баба.

– Сейчас Слепого позову, – ответил ей я.

– Так не время же, – вроде как засомневалась танк, но так, вполсилы.

Будто я не слышал, как она каждую ночь с недовольным бурчанием растирает худое тело старика какой-то разогрева-

ющей мазью. Холод Слепой переносил хуже всех – быстро замерзал, долго отогревался. Но не жаловался и даже попытался обидеться, когда я предложил совсем снять его с караула.

– Да смысла там нет оставаться, ветер вон какой поднялся. Хозяин собаку из дома не выгонит.

– Я с тобой, – словно из ниоткуда, возникла моя пассия.

– Алиса, ну не сейчас.

– Я соскучилась, – стала настаивать она.

Я понимал, о чем говорит кровавая ведьма. После небольшого расширения квартиры мы могли с легкостью забыть о личной жизни. Теперь каждый чих, вздох и скрип кровати слышала вся группа. Ну, мне разве что в этом плане полегче, когда внутри головы работает свой белый шум.

Либи́до Алисы сопротивлялось нашему общежитию всеми силами. Я уже даже стал проклинать свою очередь караула. Не то чтобы я не любил секс, но пыхтение на холодном чердаке одетым, как капуста, можно было назвать именно одним словом – ебля. Блядский цирк с конями, я в главной роли.

Иногда – на что сейчас и надеялась моя пассия – мы уединялись в подъезде, но и то после долгих уговоров Алисы. Все-таки прошла дворовая романтика молодости. Теперь бы кровать поудобнее, квартиру потеплее да спину потом мазью Гром-Бабы намазать. Как там говорил Ширвиндт: «После того как я продал дачу и стал импотентом, почувствовал себя

счастливым человеком». Ну, дачи, допустим, у меня никогда не было. Осталось дело за малым.

– Алиса, есть моменты, когда мужчине надо побыть одному, – я погладил ее по волосам. – Умные покупают гараж. Глупые сидят на скамеечке и пьют пиво. Идиоты идут на холодный чердак за Слепым.

– Достало все это! – хотела было возмутиться она, даже голос повысила, но, увидев мой взгляд, закончила фразу шепотом.

– Понимаю, – я постарался ответить максимально спокойно и не слушать едкие уколы Бумажницы. Та, собака сутулая, снова проснулась. – Потерпи немного.

– А что изменится?

– Все изменится.

Я вышел из квартиры и еще с минуту стоял на лестничной площадке. Холод медленно, но неотвратимо забирался под плотный полушубок. Но тут хотя бы было спокойно.

– Хорошо иногда побыть одному, да, Шипастый? Собраться с мыслями, – хохотнула валькирия.

Сука, такой редкий момент испортила. Ладно, значит, за Слепым. Тот встретил меня с удивлением и радостью. А когда я сказал, чтобы он шел в квартиру, даже спорить не стал. Бедняга. В одном Бумажница была права: Слепому все это дерьмо дается еще сложнее, чем остальным. Можно растереть суставы мазью, отогреться от холода под байковым одеялом, но от старости таблеток не придумали.

Внутри Слепой бросился к буржуйке, разминая озябшие пальцы. Его очки запотели, и теперь он опять напомнил мне какого-то маньяка, ну, разве что невероятно замерзшего и ослабленного. Я дал ему немного времени согреться, после чего тронул за плечо.

– Пойдем поедим.

– Иду-иду, Шипаштый, – улыбнулся он, принявшись протирать очки.

За разложенным кухонным столом уже расположилась вся честная компания. Гром-Баба разливала ароматный гороховый суп с тушенкой по тарелкам. От запаха заурчало в животе.

Группа ела бодро, быстро стуча ложками по дну керамической посуды. Вместе с тем все были нахмурены, будто сосредоточены. Однако я знал истинную причину общей немногословности. Они подавлены. Моральный дух группы упал до плинтуса, да там и остался. Наверное, именно в этот момент я принял окончательное решение. Поэтому, дождавшись, пока все доедят и Гром-Баба начнет наливать чай, я сказал то, о чем еще недавно опасался и подумать:

– Нам надо уходить отсюда.

Я смотрел на изменившиеся лица, которые вдруг покинула серая хмарь. Они неожиданно наполнились жизнью. Алиса, Кора и Псих заулыбались. Гром-Баба нахмурилась. Слепой глубоко вздохнул, а Крылатый ухмыльнулся сам себе. Я смотрел на них и думал, что говорить, куда нам стоит заско-

чить по пути, пока не буду.

– И мне надо сказать вам еще кое-что. Мне кажется, я схожу с ума...

Глава 2

Последующие несколько дней были посвящены предстоящему уходу из квартала, который по-настоящему стал нам общим домом. Не думал, что когда-нибудь скажу подобное, однако мне даже было жаль оставлять место, которое с момента моего появления в Городе стало своеобразной тюрьмой, а потом превратилось в нечто родное.

Все новое всегда невероятно пугает. Оттого люди годами жалуются на крохотную зарплату, но не пытаются найти другую работу. Деревенские сетуют на гибель села, без всяких попыток куда-то переехать, а просто шагают к бабке Агафье за пол-литрой самогона. Женщины плачутся родственникам на побои мужа и в то же время с недоумением воспринимают предложение уйти от тирана.

Никто не понимает одной простой истины. Главный враг в жизни каждого – тот самый человек, который смотрит на тебя из зеркала. Ничего не падает с неба. Случай с Моисеем – исключение из правил. Он, как сказал бы Крыл, гребаный читер, который находился на короткой ноге с админими. Остальным для жизненных изменений приходится делать конкретные шаги, иногда крайне неприятные.

Для начала Гром-Баба провела инвентаризацию продуктов, которые разделила на семь равных частей – вдруг нам придется разойтись и какое-то время, а может, и вовсе до

конца своих дней скитаться в гордом одиночестве. Из ее уст это прозвучало как-то одновременно жутковато и обыденно. Я даже удивился ее житейской мудрости. Мне подобное и в голову не приходило.

Я занялся подсчетом патронов и оружия, а заодно и чистой. С автоматами и пистолетами у нас проблем не наблюдалось. А вот по поводу боеприпасов пора было волноваться. Если бы мы нашли какой-нибудь армейский склад, это бы оказалось весьма кстати. Правда, я «забыл» отдать Башке две наступательные гранаты, что хоть как-то радовало. Ну а что? Молодым человеком меня можно назвать с большой натяжкой, память уже не та. Что с такого возьмешь?

Заодно мы решили забрать с собой буржуйку, ту самую, которую сделали последней. Она была признана наиболее удачной и, что немаловажно, компактной. Вес – не больше килограммов тридцати. Тяжеловато, конечно, но я как представлял, что придется останавливаться в незнакомом месте и мерзнуть всю ночь, сил как-то сразу прибавлялось. А сходу сделать качественную печь у Кору не выйдет. Или она потратит столько сил, что на следующий день будет еле ноги волочить.

У нашей блондинки была, конечно, одна способность для быстрого обогрева – то самое *Раскаление металла*. Впрочем, использовать мы ее хотели в крайнем случае, потому что в таком состоянии Кора быстро уставала.

Тащить буржуйку мы с Гром решили по очереди. Благо, в

инвентарь она влезала. Остальные не вышли статью и крепкой спиной.

Правда, исходя из старой поговорки «Не умеешь работать головой, работай руками», Слепой вспомнил об одной интересной штуке, называемой в некоторых народах мира не иначе как «сани», и вопрос об инвентаре и крепких спинах отпал сам собой.

Тут, кстати, и делать почти ничего не пришлось: оторвали от козырька кусок жести, и Кора соорудила из них полозья. Наживили на них здоровенный короб – и готово. Жалко, что в роли выючных собак вынуждены были выступить мы сами. Но теперь хотя бы можно свалить сюда «буржуйку», пулемет и еще всякую всячину.

Сделали по две пары снегоступов на каждого, соорудили палки, тоже с запасом, чтобы не останавливаться на починку, а не переставая двигаться дальше.

Все это время Крыл занимался более подробной разведкой нашего предстоящего пути – изучал звериные тропы грызунов, отмечал кварталы, пригодные для коротких остановок, а также выбирал место для временного лагеря близ жреца. Я молил лишь об одном: чтобы волна не пришла раньше, чем мы были бы готовы.

Но накануне выхода, когда уже прилетел Крыл и все практически сели ужинать, произошло неожиданное событие. Рында взорвалась громким звоном, и мы, пусть и не сразу, поняли: это тревога.

Слишком давно ничего серьезного не случилось, поэтому наша бдительность немного снизилась. Меня же и вовсе терзал внутренний демон по имени Бумажница. Но как только пришло осознание опасности, боевой отряд преобразился. Это как с ездой на велосипеде. Если научился, то спустя много лет вспомнить основные навыки не составит особого труда.

На чердак мы ворвались, разделившись на две группы. Каждая заняла позицию возле своего слухового окна. Я пробрался в караулку, взглядом спросив у дрожащего Психа о причине тревоги. Вместо ответа тот кивнул в сторону главной улицы и показал мизинец, обозначающий цифру шесть. Это я его научил. Учитывая способность Крикуна, в количестве незваных гостей сомневаться не приходилось.

Я осмотрел чуть занесенную снегом главную дорогу. Погода сегодня была относительно неплохая. Слабый ветер оказался низовым, поэтому Крыл слетал на последнюю разведку без всяких дополнительных приключений. А вот путешествовать по Городу пешком я бы не стал – поземка портила все настроение для легкого моциона. Тут до нужника во дворе пока добежишь, проклянешь все на свете. Ветер колючий, злой, задувает за воротник и пронизывает насквозь. А здесь шестеро решили даже прогуляться.

Хотя увидел сначала я только три одинокие фигуры. Лишь постепенно из-за белой пелены появились остальные. Они шли медленно и тяжело, проваливаясь по колено в снег. Не

подготовились к дальнейму путешествию. Да, наших снего-ступов у них нет. Создавалось ощущение, что эти ребята стали исследователями Крайнего Севера поневоле, и весьма в короткий срок.

И не похожи они были на тех, кто штурмует чужие кварталы. Во-первых, их мало. Во-вторых, эти недотепы даже не думали прятаться. В-третьих, несмотря на странную, то и дело проваливающуюся походку, движения некоторых мне показались знакомыми.

Но, как говорил путешественник с чалмой в старом импортном фильме: «На Аллаха надейся, а верблюда привяжи». Поэтому я снял автомат с предохранителя. Лишним не будет.

Словно почувствовав это, шедший впереди человек поднял руки, выражая присущее просящим миролюбие. Огромный капюшон «Аляски» открыл лицо, и мое предположение оказалось верным: Башка.

– Шипастый, это свои! – закричала она, явно опасаясь, что мы откроем огонь.

– Свои в такую погоду дома сидят, – пробурчала Бумажница.

Не думал, что доживу до такого момента, но я был с ней полностью согласен. Мне казалось, что наша история с Молчунами логически завершена. Каждый получил именно то, что хотел. Продолжать общение не имело смысла. Это как прощальный секс после отношений: лишь оттягивает неиз-

бежное. Да еще и грозит венерическими заболеваниями – непонятно, с кем там решила спутаться бывшая.

– Заблудились? – постарался сказать я как можно более нейтрально.

А сам продолжал разглядывать отряд. Справа от Башки – Миша. Коренастый мужичок с сосульками вместо усов – Блокиратор. Поодаль, закутанный в многочисленные одежды, – Безопасник. А вот еще двоих я не знал. Точнее, морды знакомые, скорее всего, участвовали в походе к валькириям, но в рядах общей группы, где ничем особым не выделились. Это, конечно, не сказать чтобы плохо. Однако я предпочитал иметь дело с теми, кого знаю. И даже тут бывали исключения.

Кстати, один из них вроде бы ранен. Иначе с чего бы его надо было поддерживать?

– Мы хотели бы присоединиться к вам! – Башка пыталась перекричать ветер.

– О, свежее мясо пожаловало, – довольно хохотнула Бумажница. – Снег летел, ботинки стерлись, вы не ждали нас, а мы приперлись! А ты, Шипастый, собрался жреца убивать. Оказывается, тут даже никуда ходить не надо.

– Ты права, – коротко ответил я Бумажнице, чем явно сбил ее с толку.

– Дура, – подал голос Хмурый.

Ну слава богу, а я уж думал, тот помер.

– Значит, мы должны молчать, а ты всякую чушь будешь

нести? – встрепелулась Женщина.

Надо же, прям день открытых дверей. Оказывается, у них был план, и они его даже придерживались. Видимо, Бумажница должна довести меня до полного сумасшествия. Странно, они не в курсе, что ли, что именно их споры даются мне тяжелее всего? С другой стороны, если голоса внутри меня закопали топор войны, то и спорить им вроде не о чем.

– Я же не знала, что он всерьез, – Бумажница была явно растерянной. – Шипастый, ты не такой. Ты не хладнокровный маньячило.

– Я даже хуже.

– Шипаштый, ты чего там под нош шебе бормочешь? – шепотом спросил старик. – Опять эти голоша?

– Ага, проснулись. Подкинули тут одну неплохую идею.

Я смотрел на Башку, не собираясь убирать оружие. Моя группа тоже сделала морды кирпичом, словно не узнавая пришедших. Половина даже перешла в боевую трансформацию. В общем, мы вели себя как вкладчики «МММ». Нам было хорошо, но лишь поначалу.

– Что у вас случилось?!

Спросил, а сам обругал себя. Опять моя промашка. Я должен был знать, что там происходит у Молчунов. Нет, справедливости ради, первую неделю Крыл действительно несколько раз летал к соседям. Но у них решительно ничего не происходило. А потом появились занятия более интересные, чем рассматривание быта Молчунов.

Башка обернулась, словно ища поддержки у товарищей. Правда, чем они могли помочь, вообще непонятно. Ребята буквально с ног валились. Одно дело пройти расстояние от их квартала до нашего в теплый погожий денек. И совсем другое, когда тебе в лицо заметает снег, а на каждый шаг приходится тратить столько же усилий, сколько на подъем по лестничному пролету.

– Измена, – глухо ответила Башка. – Биолог и его люди договорились убить нас ночью. Нам пришлось бежать. Он думал, что все это из-за меня. Из-за меня и тебя.

Ну, это, кстати, не сказать чтобы далеко от истины. Так я бы подарил яркую наклейку Биологу за сообразительность, пусть наклепит на обложку дневника. Но меня позабавило, как Башка лишилась «своих» людей. Ведь «они» не из воздуха взялись. А что-то мне подсказывает, что Биолог вряд ли мысли читать умеет. Все, на что хватило бывшего лидера Молчунов, – успеть спасти свою задницу и сбежать. Недальновидно. Умаслила бы Биолога самым старым способом, глядишь, и пригрел бы такую красивую тетеньку на своей могучей груди. Или становиться приживалкой было выше чувства собственного достоинства Башки?

Кстати, по поводу «спастись» надо еще подумать. Никто же не сказал, что мы с распростертыми объятиями примем отступников. Это дополнительные рты, да и вопрос доверия мы не отменяли. Хотя пятеро из них живы-здоровы и готовы воевать. Даже, как выясняется, под моим началом.

Я на мгновение будто взглянул на себя со стороны и вздрогнул. Когда, Шипастый, ты стал такой циничной сволочью? Если ты сейчас отвернешься, они умрут. Все. Или может умереть всего лишь один.

– Шипастый, нам некуда идти! – в голосе Башки слышалось отчаяние. – Тремор обморозил ступню.

– Весь Город у ваших ног, – негромко ответил я скорее себе, обернувшись на Гром-Бабу.

Та с сомнением пожала плечами. Мол, тебе решать. Я понимал, о чем думает наш завхоз: внизу лишние рты. Целых шесть. А ей хватало тех, кого надо кормить.

Кора закусил губу, готовая вот-вот разреветься. С этой все понятно. Она любит всякую скотину, в том числе человека. Нездоровый гуманизм для Города часто вреден.

Крыл выглядел скорее смущенным и растерянным. Для него тут тоже все очевидно. С Блокиратором, Безопасником и Мишей пацан относительно недавно участвовал в боевом походе. Крыл впечатлительный и не умеет быстро переключаться между режимами «союзник» – «враг».

Слепой и Псих выглядели на удивление спокойными. Разве что Крикун был чуть бледнее, чем обычно. А вот Алиса была готова опустить большой палец вниз. Ну, тут все понятно. До мужиков ей дела нет, а в Башке кровавая ведьма чувствовала конкурента.

– Давайте к стене, – я мотнул стволом автомата.

– Спасибо! – крикнула Башка.

– Шип! – возмутилась Алиса, высунувшись из дальнего слухового окна. Правда, договорить не успела, я уже стал спускаться в подъезд.

Именно там и состоялось общее собрание, где я выдал кое-какие указания:

– Оружие снять с предохранителей. Если что пойдет не так, стрелять.

– Дядя Шип, но это же свои, – подал голос пацан.

– Свои сейчас в этом подъезде. И их жизнь зависит от того, будешь ли ты выполнять приказы ради общего блага! – резко обрубил его я. – Крыл, я понимаю, о чем ты. Просто будь готов к плохому сценарию. Хорошо?

Пацан затравленно кивнул. Психу мои слова тоже пришлось не по душе, однако он благоразумно промолчал. Гром-Баба и вовсе не испытывала никакой симпатии к Молчунам. Алиса ухмыльнулась и толкнула бледную Кору, мол, не робей. Лишь старик был предельно сосредоточен. Мне казалось, только он понимал, что именно сейчас происходит.

Мы встали полукругом вокруг стены, после чего я пододвинул лестницу. И Молчуны один за другим принялись забираться внутрь. Оказываясь во дворе, они растерянно смотрели на вооруженных «союзников». Я же незамедлительно забирал оружие и передавал его Слепому, чтобы у наших гостей не возникло соблазна навести шороху. Последней забор преодолела Башка.

– Шипастый, что происходит? – заволновалась она. – По-

чему твои люди готовы стрелять?

– Тебе говорили, что лазить в чужие головы без спроса невежливо? – поинтересовался я, забрав укороченный АК.

– Шипастый...

– Все просто, – я отошел на безопасное расстояние. – Мест для новых членов группы у нас пять. Вас шестеро. Это будет плата за вхождение в квартал и отряд.

Я специально дал Молчунам преодолеть стену, чтобы у них не было соблазна свалить. А то потом опасайся выстрела в спину и ищи этих партизанов. Конечно, и нынешний план был неидеален. К примеру, поставь мне кто-нибудь такой ультиматум, то он бы умылся кровью. Вот только было несколько «но»: Молчуны обессиленные, замерзшие, им некуда идти, да и Башка – далеко не я.

К тому же тот самый паренек, который оказался на вид младше Безопасника, действительно еле стоял на ногах. Придурок, сам виноват, поперся в кедах. Обычных таких, красных, даже не закрывающих щиколотку. Хотя Башка говорила, что уходили она второпях, наверное, и вещи толком взять не успели. Но кеды, мать твою?!

Но в то же время я ожидал серьезного сопротивления. С Безопасником и Блокиратором проблем нет. Огнестрел – это не способность, его не отменишь. Да и трудно уклониться от пули. Миша – лекарь, Башка сильна лишь головой. Хотя события в ее квартале показали, что не особо. Непонятно, чего ожидать от новеньких.

Интереснее всего, что голоса внутри затихли. Действительно, чего трепаться, когда и так все ясно? Валькирия уже доигралась. Расшатала мою нервную систему, выпустив на волю зверя, и теперь пожинала плоды. Надеюсь, остальные устроят ей темную. Хотя, все равно. Скоро я их уже не услышу.

– Мы теряем время, Башка! – с нажимом сказал я.

– Я не могу, Шипастый, – замотала головой лидер Молчунов. – Тебе придется убить нас всех.

Все-таки Башка – не просто красивая баба, которая умеет влезать в чужие головы. У нее есть яйца, этого не отнять. Впрочем, я не успел хоть как-то отреагировать на ее слова. Тот самый парнишка в кедах подал голос:

– Башка, не надо, не нужно бессмысленных смертей. Если есть хоть какой-то шанс спасти остальных...

– Тремор, прекрати! – крикнула Башка.

– Прости, я устал, – улыбнулся паренек. – День за днем пытаться выживать... Во имя чего? Я устал бороться, устал видеть гибель друзей, предательство близких. Это мой выбор.

Башка попыталась шагнуть к Тремору, однако Миша остановил ее, крепко схватив за плечо. Остальные смущенно опустили головы. Всех их объединяло одно. Они хотели жить. Любой ценой. Включая жизнь своего товарища.

Я дал знак Слепому, и тот вытащил иглы на руках в ответ, поняв меня без слов. Более того, смекнула и Алиса. Пото-

му что подо мной возник кровавый круг. Именно в момент поглощения я был невероятно уязвим. Поэтому командира нужно обезопасить. Вдруг кто-то из Молчунов передумает и решит погеройствовать.

Тремор, хромая, подошел ко мне. В свете уличного фонаря его лицо казалось каким-то чужим, не принадлежащим этому Городу. Синяки под глазами, как и у многих из нас, резко очерченные скулы – это из-за недоедания. Но вместе с тем невероятно чистый взгляд зеленых, словно горящих внутренним огнем, глаз.

Этот парнишка – а был он всего на пару лет старше Крыла – смотрел точно сквозь меня. Его глаза прожигали, оставляя после себя неприятное чувство. Они были наполнены такой свободой, которой не обладал никто из здесь присутствующих.

Я протянул к нему руку, но на полпути отдернул, словно боясь дотронуться до чего-то чистого, не замаранного отпечатком этого Города. И понял одну простую истину. Я не смогу. Я не в силах поглотить его жизненную энергию. Думал, что способен, что превратился в бесчувственную скотину. Но не могу убить этого паренька. Не в состоянии погасить огонь этих глаз.

Где-то внутри облегченно вздохнула валькирия. Впрочем, ей хватило ума не язвить в данный момент. Молчали и остальные голоса, то ли смущенно, то ли настороженно.

– Третий этаж, – махнул я Молчунам. – Оружие пока

оставьте, потом раздадим. Гром, надо будет немного потесниться. Ну, и, видимо, еще кое-что на ужин приготовить.

До сих пор не веря, что все закончилось, Молчуны какое-то время стояли на месте. Только когда стволы автоматов опустились в землю, отступники стали медленно шевелиться. К Тремору подошел его знакомый, вновь подхватив раненого под руку. Подал голос Крыл, обращаясь к Безопаснику, и тот ответил пацану, неуверенно улыбаясь. Неторопливо, с ужасным скрипом, напряжение стало уходить.

Я не заметил, как почти все покинули двор. Сквозь подъездные окна мелькали поднимающиеся фигуры. А на улице, продуваемые холодным ветром, остались лишь я и Слепой.

И вместе с тем мне было невыносимо жарко. Я упал на колени, зачерпывая снег и протирая им шею, однако легче не стало. Хотелось, подобно волку, выть на Луну. Вот только бы знать еще, где она.

Старик медленно подошел ко мне, опустившись на колени рядом. Он по-отечески обнял меня и прижал к себе, прошептав негромко:

– Это хорошо, Шип. Это хорошо. Значит, ты все еще человек.

– Надолго ли? – спросил я Слепого.

Ответом было лишь утробное завывание ветра.

Глава 3

– Вообще-то это не кеды! – возмутился Тремор.

– А что тогда? – спросил я.

– «Конверсы».

– А чем разница?

– Ну, разница есть, – неуверенно ответил парнишка. – В цене хотя бы.

– Ага, а цена этих «Конверсов» – твоя отмороженная нога, жертва моды, – хмыкнул я.

На это Тремору ответить было нечего. Если бы не тандем Миши и Алисы, то остался бы наш новый знакомый без ступни. Тут и вариантов никаких. И насколько мне известно, в наших палестинах инвалиды не котируются. Им даже пособие не платят.

А так ничего, обработали, замотали, теперь едет в санях и наслаждается видами Города. Посмотрите направо, в этом доме жил и работал Герой Социалистического Труда Слепой. Чуть дальше вы можете наблюдать руины имени Кору, благодаря которой и были возведены стены вокруг квартала. Наша обитель, теперь уже покинутая.

Тремор, кстати, с интересом вертел головой. Вчера он чуть не погиб, говорил, что устал, готов пожертвовать собой, а теперь из него опять бурным ключом била жизнь. Я всегда откровенно завидовал таким людям. Откуда они берут всю

эту энергию? Почему не устают жить, находя в себе все новые вызовы? Конечно, как правило, быстро подобное переключение бывает лишь у молодых. Но все равно.

Сейчас Тремор был одет по погоде – широкое габардиновое пальто, под которым два свитера, кальсоны и ватные штаны. На ногах черные унты из оленьей кожи. Что тут сказать, Тремору повезло с размером. Лапища у него была здоровая, всем остальным такая обувь оказалась великовата. Повезло еще в другом – ходил Молчун по-прежнему с трудом, потому составил компанию буржуйке и пулемету в сани.

– Я же не думал, что придется идти по Городу, – оправдывался сейчас он.

– А не заткнешься, так и придется, – бросила Гром-Баба, которая тащила сани. – Бурчит всю дорогу. Будто этот...

Она даже остановилась, подыскивая аналогию. Да, Гром у нас не Гай Юлий Цезарь. Займется новым делом – в предыдущем пробки выбивает.

– Будто горный ключ, – подсказал я.

Все-таки, несмотря на пустоголовость, Тремор действительно производил впечатление светлого и какого-то незамутненного нынешними обстоятельствами пацана.

– Будто засорившийся унитаз, – Гром не стала прибегать к моей помощи. – Булькает и булькает.

– Я могу потащить сани, – вызвалась Башка, оборачиваясь на ходу.

– Иди уже, видели мы, как ты можешь, – махнула рукой Гром-Баба, руша и без того упавший авторитет недавнего лидера, и прибавила шагу.

Снег заскрипел под огромными, сделанными специально под ногу танка снегоступами.

Что правда, то правда. Молчуны старались быть максимально полезными. Даже пытались тащить сани. Хотя относительно неплохо это получилось лишь у Миши и Блокиратора, и то если они были запряжены вдвоем. Башка же смогла только пару шагов сделать.

Молчуны сейчас шли во главе отряда. Официально – чтобы не отстали, если будут плестись в хвосте. Дескать, они неподготовленные. На самом деле – чтобы все время оставались на виду. Да и напади на нас кто, первыми по красивому лицу получают именно «чужаки». Не то чтобы я был последней сволочью, но рисковать лишний раз своими людьми не хотел. Пока же никаких предпосылок к единению двух разных групп не было. Другими словами, нам нужно съесть еще целый пуд соли. От него мы разве что немного отщипнули, когда атаковали валькирий.

Перед санями уже шагали Кора, Алиса и Псих. Крыл перелетал с дома на дом – так двигаться было гораздо удобнее. К тому же он заодно осматривал местность.

Мы со Слепым замыкали шествие, прикрывая группу, как наиболее сильные стрелки. Шли чуть поодаль, чтобы нас не задел общий замес, но в то же время готовые защитить

остальных.

Правда, сейчас я шел рядом с саями, разговаривая с Тремором. Тот оказался, к слову, интересным парнем. Способность его была завязана на, так скажем, сейсмической активности разной степени тяжести. Он даже продемонстрировал мне *Хлопки* – забавную штуку, когда земля уходит у противника из-под ног. Или *Направленное разрушение*. Тут и объяснять ничего не пришлось.

– А это могла быть твоя способность, – подала голос павшая валькирия. – К тому же он и сам был не против поглощения.

Правда, после этого вновь надолго замолчала. Видимо, и совсем не комментировать не могла, и в то же время боялась переборщить.

Второй незнакомец, тот самый, который и тащил Тремора на себе, представлял собой высокого сухонького мужичка лет за тридцать. Костлявый, вечно нахмуренный, с убранными в хвост волосами и торчащими ушами. Даже прозвище ему невероятно подходило – Чудик.

Вообще во времена, когда деревья были большими, небо – светло-серым, волны приносили настоящих людей, а каждый жил в своем квартале, этот Молчун дал себе прозвище Чудотворец. Все правильно, полюбить – так королеву, своровать – так миллион. Правда, в случае с Чудотворцем имя вышло пафосным, к тому же длинным. Вот его и сократили до Чудика.

Хотя способности у Молчуна были на зависть хороши. Я так и не понял, как они работали, на какие виды подразделялись, Чудик оказался не особо разговорчив. Однако этот мужичок мог создать из небытия силой своего воображения что угодно. Как мне проболтался Трemor, чем сложнее предмет, тем больше сил и времени требовалось на материализацию. И напротив, если вещь простая, как, к примеру, топор, и если ее призыв осуществлялся неоднократно, то все произойдет довольно быстро.

Поэтому мне, который уже собрался запросить БМП-2 для более комфортного перемещения по Городу, пришлось искать карандаш для закатывания губы. А пока чуть отстать от саней, потому что Трemor боялся Гром-Бабу как огня. И болтать сейчас точно не будет.

– Избави наш от вшыкия шкорби и печали, огради от вшыкия напашти и злыя клеветы, и от неправеднаго и лютаго наветая вражия...

– Что, Слепой, думаешь, поможет? – скривился я.

Старик стал бормотать еще тише, а когда закончил, ответил:

– Раньше же помогало.

– Что-то не заметил.

– Ну, шам пошуди. Ты живой, мы все, милоштью божьей, тоже. А ишпытания они на то и даютшя, чтобы человек шильнее штал.

– И ты стал? – я сдвинул брови.

Спросил и тут же пожалел. Потому что старик замолчал, будто о чем-то глубоко раздумывая. Я к вере относился со здоровым скепсисом. Потому что единственное существо, которое всегда могло вытащить из полной задницы, не отвечало на молитвы. Оно имело средний рост, коротко стриженные волосы и кличку Шипастый.

С другой стороны, на войне всякого повидаешь. У нас были и заговоренные крестики, пока носишь которые, вроде никакая пуля тебя не возьмет, и материнские письма с благословениями. Их пацаны хранили возле сердца. Витька Куралев, комсомолец и активист, в какой-то момент стал соблюдать намаз, а после возвращения сменил имя в паспорте на Зафар. Вроде даже в хадж отправился. Ого, ничего себе я вспомнил...

В общем, ко мне в определенный момент пришло простое понимание: вера – вроде костылей. Если человек сильный, то они ему без надобности. Если нуждается в поддержке и без них не в состоянии ходить – тоже ничего страшного. Лишь бы не твердил каждому, что это единственно возможный способ передвижения. Может, в том, что Слепой еще держался, была немалая заслуга молитв и понимания, что кто-то с другой стороны и правда его слышит?

– Нехорошо ш Молчунами получилошь, – неожиданно сменил тему Слепой.

– Они решили, что это было что-то вроде проверки, – сказал я, чуть понизив голос.

В ответ старик лишь отрицательно замотал головой. Я и сам понимал, что это слабое утешение. Со способностью Башки, которая могла прочесть всех моих бойцов, уж точно.

— Люди могут простить многое, кроме шобштвенной шлабошти. Потому что в противном шлучае шобешедник никогда не может говорить ш тобой наравне. Он поштоянно будет чувштовать шебя человеком второго шорта.

— Все так, Слепой, только ты упускаешь из виду одну небольшую деталь. В условиях, когда каждый день грозит стать последним, вся эта психология летит к херам. Я лишь показал, что может произойти. Молчуны вняли и впитали. Как сухая губка.

Старик ничего не ответил, только вновь отрицательно замотал головой, явно не соглашаясь с моими доводами. Я и сам понимал, что, скорее, пытаюсь успокоить себя. Хотя бы потому, что промолчала даже Бумажница, не хочет язвить, а это уже тревожный знак. Если уж внутренние демоны не собираются с тобой спорить, жди беды.

К обеду мы сделали привал в полуразрушенном квартале. А когда продолжили путь, начался сильный ветер, будто Голос следил за своим любимчиком и пытался максимально испортить мне каждый шаг. Ну, если верить Слепому, то эта пронизывающая до костей бора должна была сделать меня сильным как никогда. Ага, сейчас только замерзшую нижнюю губу от десны отлеплю и как начну тут все крушить.

Держите меня семеро.

Когда я на голубом глазу заявлял Молчунам о том, что мои ребята наиболее подготовлены, то не думал, что это окажется правдой. Но люди Башки действительно выбились из сил. Если бы мы их не подгоняли, то скорость передвижения точно бы серьезно снизилась. Пришлось обгонять сани и Алису, которая послала мне воздушный поцелуй.

– Давайте не раскисать, почти пришли! – заорал я Молчунам. – Шустрее, шустрее. Надо успеть до темноты.

Как раз к тому времени на горизонте появился Крыл. Он приземлился прямо на заметенную дорогу, провалившись в снег и укрываясь от ветра.

– Два квартала. Все в порядке.

– Шире шаг! – заорал я.

Все-таки отвыкли Молчуны от крепкой мужской руки. Стоило прибавить пару бранных слов для связки речи, как бедолаги нашли в себе какие-то внутренние резервы. Чудеса, да и только. А там уж и мои прибавили ходу.

Во двор открытого с трех сторон квартала мы ворвались даже слегка разгоряченные. Крыл указал на угловой подъезд, распахнутую дверь которого замело снегом, теперь не сдвинешь. Надо будет исправить, на всякий случай. Окна все целые, что тоже редкость. С другой стороны, у Крыла оказался неплохой выбор. Место было обжитое, по крайней мере, раньше.

Я оглядывал трехэтажное здание придирчиво, будто оно

было нашим новым домом, а не всего лишь перевалочной базой. С другой стороны, неизвестно, сколько нам придется ждать. Я страсть как хотел поглядеть на жреца. До него тут всего несколько кварталов, завтра с Крылом слетаем. Думаю, с небольшими передышками, но наш крохотный вертолет меня выдержит. Хотя я вообще и начал серьезно сомневаться, надо ли его поглощать.

А что? Бумажница после своего недавнего фиаско почти заткнулась. Жизнь, можно сказать, вернулась в прежнее русло. По пути к теплым краям мы точно наткнемся на каких-нибудь чужаков, а их убить будет значительно легче, чем непонятную хрень, которая подчиняется Культуре и едва ли является человеком.

– Сани здесь оставляем, все забираем внутрь, – приказал я. – Крыл, какая там трехкомнатная?

– Вон та, дальняя, – махнул рукой пацан.

Квартира как квартира. Старая мебель, ковры, пыльный хрусталь в чехословацкой стенке. Думаю, если тут поскрести, то откуда-нибудь из антресоли вывалится мумифицированная бабушка. В прихожей даже нашлось несколько пар растоптанных сальных тапок. Которые, понятное дело, все благополучно проигнорировали.

– Дубак, – Тремор, прихрамывая, зашел последним.

Ну да, потому что мы уже открыли форточку, чтобы вывести туда трубу от буржуйки. Кора расстаралась на славу – короб был аккурат под раму. Но на всякий случай она еще по-

догнала его, чтобы не осталось никаких щелей. А Гром-Баба уже разожгла конфорки. Квартира немного разогрелась, и тут же проявился ее запах – дух затхлости и старости.

– Кора, давай вот эту батарею раскочегарь немного, – попросил я блондинку.

Та кивнула и подошла к чугунной «гармошке». Несколько секунд – и батарея раскалилась докрасна; краска на ней стала съеживаться, и ее запах защекотал нос. Неприятно, зато стылый воздух стал нагреваться. Скоро тут станет совсем хорошо.

– Спать все будем здесь, – сказал я. – Уж извините, но нашему отелю понизили звезды после очередного проверяющего. Теперь их минус две.

– В тесноте, да не в обиде, – улыбнулась Башка.

Ну вот, а все переживали. Одна брошенная фраза, и в комнате стало совсем жарко. По крайней мере, судя по взгляду Алисы, она точно кипела.

Говорят, что любви без ревности не бывает. Не знаю, либо я вообще не понимал данное чувство, либо был с другой планеты. По мне, это какое-то психическое отклонение. Не будет самодостаточный и уверенный в себе человек делать мозги избраннику за каждый невольно брошенный взгляд. Алиса в присутствии Башки и вовсе превращалась в раскаленный чайник, в котором не осталось воды.

И вот сейчас, вместо того чтобы спокойно отогреться после долгого пути, мне надо разводить стрелки.

– Ладно, это потом. Гром, давай что-нибудь сваргань на скорую руку. Алиса, помоги ей. Безопасник, Блокиратор, Слепой, пройдитесь по квартирам, вдруг что найдете. Псих и Башка, осмотрите верхние этажи и крышу. Надо будет еще караул выставить. Чудик, пойдешь со мной, поглядим, что там в подвале. Крыл и Кора отдыхают, они больше всех выжились.

Не то чтобы я не доверял своему разведчику. Раз пацан сказал, что квартал пригоден для житья, пусть и временно-го, – значит, так и есть. Однако оглядеть все еще раз не будет лишним.

– А что там может быть в подвале? – спросил Чудик, когда мы стали спускаться по лестнице в темный проем.

– Много чего, – ответил я, включая фонарь. – Инструменты, припасы, оружие...

Или водка. По крайней мере, у себя я когда-то нашел именно три бутылки этой чудесной жидкости, припорошенные пылью и с отклеенной наполовину этикеткой. И, несмотря на некоторое опасение, все-таки их употребил.

А выпить хотелось. Страсть как. Я последние дни растягивал свои припасы, перейдя на микродозы. По моим скромным прикидкам, послезавтра мне придется быть вынужденно чистым, хоть кровь иди сдавай. Чего бы не хотелось. Я не про кровь, а про бухло.

Подвал не удивил. Он был типичным, как и у большинства домов. Железная дверь, узкий коридор, который уходил

в сторону, крохотные клетушки, увенчанные самодельными дверьми на хлипких навесных замках. Здесь хранилось драгоценное имущество бывших хозяев дома.

Я, как опытный житель Города, отдал фонарь Чудику и стал сбивать замки с одной лишь целью – заняться экспроприацией. Вот только, кроме ржавых велосипедов, пустых банок, отправленных в ссылку новогодних игрушек, сваленных батарей (видимо, со стройки уперли) и прочих, несомненно, нужных в хозяйстве вещей, ничего интересного не обнаружил.

Пока не добрался до одной странной двери. Заинтересовала она меня хотя бы потому, что нижняя часть ее отсутствовала. Прямо совсем. Будто ее сгрызли. Я дал знать Чудику быть начеку. Тот кивнул и вытащил ПМ.

Грациозным ударом мародера я сбил замок и толкнул то, что осталось от двери. Створка, словно только того и ожидавшая, рухнула на пол, подняв кучу пыли.

– Подсвети, – тихо сказал я.

Иногда говорят, что счастье в неведении. Вот именно сейчас я был вынужден с этим утверждением согласиться. К примеру, не попрись я в этот чертов подвал, не нашел бы эту сраную дверь, не вскрыл бы ее и не увидел то, что хотел увидеть меньше всего. А именно – широкий нерукотворный лаз в кирпичной стене. В кирпичной, мать ее, стене!

Чудик нервно водил взглядом по длинным глубоким следам, оставленным острыми когтями, и его руки дрожали. Я и

сам был не в состоянии сказать что-нибудь внятное. Потому что знал, кто мог оставить эти следы.

Крыл исследовал и нанес на карту все звериные тропы, ведущие из очагов. Вот только никому и в голову не пришло, что они могут передвигаться под землей. И более того – прорывать фундамент зданий. Хотя эти твари могли прийти и по теплотрассе.

Нет, я видел грызунов. Уродливые создания, конечно, но не более того. К тому же весьма приметные на снегу – уничтожить их оказалось не такой уж сложной задачей.

– Что делать будем, Шипастый? – тихо произнес Чудик.

– Сухари сушить, – тоже шепотом ответил я. – Сейчас уходим отсюда, закрываем дверь в подвал. Зовем Кору, и она ее, на хрен, заваривает. А потом будем думать.

Как известно, хочешь насмешить Голос – поведай ему о своих планах. Потому что только я это произнес, как внутри лаза что-то зашуршало-заскрежетало. И вскоре на поверхность высунулась мерзкая морда грызуна.

Грызун – термин весьма условный. Размером тварь была с упитанного лабрадора. Только у последнего нет крепких кражистых лап с длинными пятнадцатисантиметровыми когтями. Морда вытянутая, с выступающими острыми резцами, шерсть словно мокрая. А еще мне показалось, что мелкие красные бусины сразу уставились на меня, будто найдя источник всех своих бед.

Глава 4

Мы замерли, пристально глядя друг на друга. Два венца эволюции с одной стороны – и уродливое порождение Города с противоположной. Напряжение было колоссальное. Кажалось, достаточно пошевелиться – и хрупкое равновесие нарушится.

И в то же время ничего не происходило. В какой-то момент мне даже показалось, что эта тварь не желает нам зла. По крайней мере, она не скалилась, ее тело не выглядело напряженным и будто готовым к прыжку. Обычная ручная крыса, которую скрестили с бобром и откормили комбикормом. В условиях места, где мы застряли, ничего необычного. Тут на такую красоту можно наткнуться в каждой дыре, если у тебя хватит мозгов туда соваться.

Однако, как часто бывало в Городе, только ты подумаешь, что все идет хорошо, обязательно вылезет какое-нибудь «но». У моего «но» было испуганное лицо, волосы, стянутые в хвост, и оттопыренные уши. Я не понял, в какой момент Чудик дернулся, вскинул пистолет и начал стрелять – на удивление быстро и прицельно.

Если первые пули пощекотали жилистое тело, спрятанное под мокрой шкурой, то уже третья попала в голову, закончив страдания твари. Правда, перед этим крыса-мутант успела издать такой чудовищный визг, что у меня кровь в жилах

заледедела. А потом все резко прекратилось. Тварь исчезла, и вместо нее на пол брякнулся махонький кристалл.

Мы стояли вдвоем, тяжело дыша, словно пробежали на время стометровку. Перед нами лежало крохотное свидетельство убитого существа, вот только ощущения удовлетворения не было. Скорее даже, наоборот. Будто ты вляпался во что-то мерзкое и теперь вынужден вместо приятной прогулки оттирать с подошвы эту гадость.

Я открыл карту, сразу найдя нужную цель. Ну да, чудес не бывает. Очаг в пяти кварталах от нас, в противоположную от жреца сторону. Однако! Получается, эти грызуны отправляют своих «разведчиков» так далеко? Решили медленно спуститься с гор и овладеть всеми человеками?

Додумать умную мысль я не успел, потому что со стороны крысиного тоннеля раздался шум, словно хлынувшая вода рванула по пустым трубам, гремя и набирая ход. Вот только вряд ли вода могла пиццать и скрести когтями землю. Твою ж мать!

Мы взглянули друг на друга, видимо, подумав одно и то же, разве что в моей версии мата было побольше. В любом случае, говорить ничего не пришлось. Тело, как обычно в экстренных ситуациях, сработало быстрее мозга. Мы рванули наружу, на ходу перекидываясь в боевой режим. Правда, я еще не вполне понимал, чем он может помочь против полчищ крыс. Но всяко лучше быть зеленым и красивым, чем человеческим и мертвым.

Чудик, кстати, сейчас напоминал модное Кентервильское привидение, разве что без цепей и подвываний. Его тело уплотнилось, стало белесым, а кожу охватило фиолетовое свечение.

– Шип, железная дверь! – внезапно крикнула Бумажница. – Попробуй удержать ее лианами!

Позади с диким визгом и шумом из лаза уже выбирались твари. Я на ходу обернулся, встретившись взглядом с десятком горящих рубиновых глаз. И вот теперь они явно не собирались играть в гляделки, намереваясь сделать со мной что-то очень нехорошее. Ребята, не я вашу подругу убил! Не хочу показывать пальцем, но это сделал другой человек, находящийся сейчас в коридоре. Не будем называть имен, вы и так все поняли, да?

Тупые грызуны отказывались думать головой. Видимо, они в нее исключительно кушали. Причем, скорее всего, людей. Так или иначе, твари бросились в погоню, быстро сокращая расстояние между нами. Я бы даже сказал, слишком быстро.

Не задумываясь, какую именно подлянку решила проверить Бумажница, я выскочил вслед за Чудиком на лестницу, ведущую наверх, на ходу захлопывая за собой железную дверь и сразу же придавливая ее двумя лианами у замка.

Последующий удар был такой силы, что чуть не отбросил меня в сторону. Если бы не тысячи длинных острых шипов, которые сейчас испортили мою обувь и одновременно с тем

вгрызлись в бетон, так и случилось бы. Зараза, опять мне одежду искать. Конечно, я собрал с собой небольшой гардероб, но лучше бы пробежаться по местным хатам, глядишь, чего и найду. А то парадных кальсон осталась одна пара. Так пригласят на званый вечер, а у меня и костюма нет. Теперь всего ничего – надо лишь разобраться с крысками, которые почему-то решили, что в смерти их сородича виноват именно я.

– Ты серьезно? – я обернулся на Чудика, который замер возле меня, «сотворив» двуручный меч. Такой обычно используют на всяких собраниях фриков, думая, что смотрятся круто. – Ты чего им навоевать хочешь?

– А что делать? – искренне растерялся тот. Даже меч опустил.

– Беги наверх за нашими!

Удар, последовавший за моими словами, осыпал побелку и немного выгнул нижнюю часть двери. Я даже на мгновение увидел несколько высунувшихся когтей, покрытых какой-то слизью. Впрочем, крысы решили не демонстрировать работу местной маникюрши и вскоре убрали лапы.

Блин, они действуют как единое целое, а не ломаются каждый сам по себе. Я бы посмотрел, как эта крысиная стая разбежится и дубасит железную дверь! Хотя, справедливости ради, судя по всему, створки только обиты железом и долго так не протянут.

Новый удар лишь подтвердил мою догадку. Проем внизу

стал еще больше. К тому же появился еще один, с противоположной стороны. Если так пойдет, твари попросту сложат дверь наполовину. И хрен кто успеет мне помочь.

В короткий миг я вспомнил острые когти убитого грызуна и торчащие зубы живых. А там их десятки. Думаю, смерть будет быстрой. Надеюсь, что умру скорее, чем выпаду из боевой трансформации, и тварям придется довольствоваться вегетарианским ужином.

Еще один удар сорвал дверь с нижней петли. Пришлось выпустить несколько дополнительных лиан. Однако ситуация, что называется, накалялась.

Чтобы как-то отвлечься, я решил заняться редким видом извращения для разумно мыслящих существ – поговорить с Бумажницей.

– Это подстава или ты и правда вдруг захотела помочь? – спросил я валькирию.

– Если дверь рухнет быстрее, чем успеют подоспеть твои девки, то дело труба. Скорее всего, большую часть отряда крысы перемелют, – ответила Бумажница, и в голосе ее слышалась тревога.

– Разве не этого ты хотела? – я вздрогнул после очередного удара. В щель пролезла голова грызуна. Тот понюхал что-то и скрылся внутри подвала. – Чтобы артефакт перешел другому?

– Кому? Те, кто останется, вряд ли выживут. Ну, или вероятность их выживания будет крайне мала. Неприятно при-

знавать это, Шипастый, но в данном случае и в данной локации именно от тебя в наибольшей степени зависит будущее группы.

Я чуть не заплакал. Как это мило, блядь. С другой стороны, похоже на правду. Такую циничную, незамутненную, резкую, как удар по яйцам с размаха, правду. Только на долгий и плодотворный союз с Бумажницей я не надеялся. Не та это была дама. Да и, признаться честно, сейчас немного неподходящее время, чтобы всерьез задумываться о планах на будущее. Еще один удар – и против воли придется стать посетителем контактного зоопарка, где щупать и тискать станут меня.

– Стоит двух мужиков оставить вдвоем, вечно в какой-нибудь триппер вяпаются, – громыхнула за спиной Гром-Баба.

Я невольно улыбнулся двусмысленности шутки, о которой Громуша, скорее всего, даже не подозревала.

– Не поверишь, но чудовищно рад тебя слышать.

– Давай-ка, Шип, в сторону. Дай хрупким созданиям вновь защитить сильных мужчин, – хмыкнула танк.

Меня даже упрашивать не пришлось. Я такой, сплошь за феминизм двумя руками. Если уж женщина хочет себя проявить, мешать не буду. Отскочил, доставая «Вал», и наткнулся на Кору. Железная леди, находящаяся в боевой трансформации и словно состоящая из медных чешуек, твердым движением отодвинула меня в сторону и вытащила из инвентаря множество острых пехотных ежей.

Вот сейчас даже обидно стало. Но в то же время я понимал, что это не нарушение субординации. Скорее, холодный расчет. Хотя от ощущения, что мальчика попросили отойти, пока взрослые тетеньки занимаются делом, избавиться не получилось.

К тому же план был чрезвычайно простой и действенный. Кора закидывает железками все впереди, куда доберется рука. За Громушу она не беспокоится, потому что вреда ей нанести не сможет. Никакого огня по своим. А танк уничтожает недобитков в свойственной ей непринужденной и интеллигентной манере, то бишь приложив кулаком по мордасам. В данном случае ей монописуально, чья там морда – человека или еще какого-то существа.

К моменту, когда слышался удар, я успел подняться по ступенькам до выхода из подъезда. И сразу же оказался в кровавом круге Алисы. Все-таки хорошо, когда понимаешь друг друга без слов. Чудик стоял тут же. Ну, хотя бы уже без своего дурацкого меча. Он держал в руке многострадальный пистолет. Наверное, Гром-Баба сказала все, что думала, о Молчуне и его зубочистке.

Я успел лишь бросить ему фонарь, жестом показав вниз. Как выяснилось, Чудик был достаточно сообразительным, сразу осветив фигуры танка и Кору. А потом время понеслось с невероятной скоростью.

Железные игрушки блондинки устремились вперед одновременно со слетевшей с петель дверью. Оглушительный

визг заполнил не только подвал, но и весь подъезд. Но я слышал также и другие звуки – разрываемую с чавканьем плоть и хруст костей.

Казалось бы, что могло пойти не так? В условиях Города – что угодно. Справившись с первыми, и весьма внушительными, потерями, крысы-мутанты не отступили. Напротив, они хлынули вперед с новой силой. Так мощно, что подняли своей темной волной неуязвимую Гром-Бабу. Сейчас та напоминала баркас, который прежде сел на мель, но пришедший прилив унес посудину снова в море. И все бы хорошо, только на пути судна оказалась Кора.

Та слишком поздно сообразила, что именно сейчас случится. Даже сделала шаг назад, однако не успела. Гром-Баба рухнула на блондинку.

Меня точно током пробило. Потому что в блуждающем свете фонаря я увидел белокурую прядь волос. Твою мать! Кору вышибло из режима боевой трансформации.

Правда, ненадолго. Дрожащая рука Чудика отвела на мгновение фонарь в сторону, а когда он вернулся, Кора вновь была накрыта своей коронной способностью – *Имитацией металла*. Правда, теперь диспозиция изменилась. Крысы-мутанты уже рвались по лестнице вверх. Все, что я успел, – крикнуть лишь одно слово:

– Огонь!

Мой голос потонул в звуке царапающих бетон когтей, смертельном визге тварей и яростном писке. Фонарь выпал

из дрожащих рук Чудика, ударившись об пол с глухим стуком. Сейчас он освещал одну из стен подвала.

Хотя на отсутствие света я не жаловался. Наши выстрелы на мгновения раскрашивали в яркие цвета картину крысинаго нашествия. Налитые кровью рубиновые глаза, летящие в тебя когти и невероятно большие для таких существ пасти.

Весь выводок бросился на меня. Сам виноват, не хрен было стоять так близко к лестнице. Благо, подо мной ярким алым цветом светился круг Алисы, нивелируя весь приходивший урон.

Я отстрелял магазин «ВАЛа», достав потрепанный, но еще крепкий АК-74. Вот не думал, что пригодится, но на всякий случай носил в загошнике. Боковым зрением я видел, как Чудик к тому времени отбросил пистолет в сторону и вытянул руки, явно призывая что-то из оружия ближнего боя. Дайте-ка угадаю: меч? Опасный тип, что тут скажешь. Жалко, Громуша этого не видит.

Вскоре замолчал и автомат Алисы. Я обернулся, опасаясь, что моя пассия рухнула в обморок. Тогда и мне придется несладко. Но нет. Присела на колено и перезаряжается. Хотя уже побледнела. Значит, времени действительно мало.

С другой стороны, и напор выводка как-то ослаб. Если в первую минуту лавина крыс-мутантов напоминала поток, оставленный после мужика, выпившего три литра бочкового разливного пива, то теперь походил на потуги трехлетнего мальчика.

К тому же крыс стала добивать легкомысленно оставленная в тылу Гром-Баба. От ее ударов подрагивал бетон под ногами, а иногда танк позволяла себе прокомментировать очередную смерть твари крепким словцом вроде «блядское отродье» или «мерзкий выблядыш». Нет, правильно говорят, что все матерные слова в русском языке – всего лишь производные от трех существующих.

А потом все внезапно стихло. Я с бешено стучащим сердцем поднял фонарик и посветил вниз. Кора в «боевом костюме» устало сидела на лестнице спиной ко мне. Признаться, я даже не услышал, как она сражалась после падения на нее танка. Да и не до этого было. Гром-Баба стояла на коленях посреди рассыпанных кристаллов, словно падишах из «Золотой антилопы». Ладно, тут Голос молодец. Хорошо придумал. Я представил, как пришлось бы убирать эти многочисленные мертвые туши. Приятного мало.

Кстати, вокруг нас было тоже порядочно разбросано кристаллов. Надо будет посчитать по головам, точнее, по камушкам, с насколько большим выводком мы столкнулись. Видимо, это была часть внушительной разведгруппы. Правда, меня терзали сомнения, не уликнула ли хоть одна особь.

– Гром, как там внизу?

Как я уже говорил, работать в крепко сбитом коллективе – одно удовольствие. Танк сразу поняла, что именно я имею в виду. Вытащила из инвентаря свой фонарик – совсем простой, раньше являвшийся частью брелка. Включила его и по-

водила вокруг.

– Чисто, Шип. Да и я бы услышала, если бы кто-то ушел.

Это хорошо. Значит, мы уничтожили весь выводок. Конечно, остальные особи могут спохватиться, что же случилось с их подружницами, но думаю, это будет не в ближайшие несколько часов. А мы тем временем решим, что делать дальше.

На лестнице послышался торопливый звук шагов. Ну да, у нас же ближе всего из остальных были Слепой с Башкой.

– Чего шлучилошь? – спросил Слепой, держа автомат наготове.

Я ожидал ехидного комментария от Гром-Бабы, что пока старик шляется с молодухой по крышам, мы тут вычистили от крыс подвал. Однако танк промолчала. Старееет наша Громуша. Впрочем, и у меня настроение было не шутейное. Поэтому я просто быстро и коротко пересказал, что тут произошло. К тому времени в подъезде собралась уже вся группа.

– И что делать будем? – спросил Слепой.

– Выходов – два, – ответил я ему. – Первый – уходить. Здесь проблема в том, что делать это надо быстро, до темноты. У нас есть несколько подходящих вариантов, которые Крыл отметил прежде.

– Шип... – подала голос Гром-Баба.

– Согласен, – я понял, куда она клонит. – Предложение неидеальное. Хотя бы потому, что никто не знает, будут ли там такие же сюрпризы внизу или нет. Что-то мне подсказы-

вает, что это вполне возможно. Местный очаг здесь довольно давно, несколько недель. Наверное, эти крысы-кроты прорыли тут целую сеть.

– А второй вариант? – спросила Башка.

– Завалить проход и остаться здесь. Только придется проползти по лазу и сделать это подальше. Не хотел бы я, чтобы вместе с ним обвалился и дом.

– Шип! – сказала Гром-Баба уже настойчивее.

– Я понимаю, что оба варианта – не роскошь. Но уж просто, выбираем из того, что есть.

– Шип, крысиное дерьмо тебя побери, да заткнись ты уже! – чуть ли не проорала Громуша. – Хрен с ними, с лазами и домами. Ты сюда посмотри.

Я не сразу понял, о чем она. Поводил несколько раз фонариком по лестнице и только потом обратил внимание на Кору. Первый раз, когда я осматривал поле битвы, Громуша стояла на коленях, а блондинка сидела спиной ко мне. Теперь танк уже поднялась на ноги, а вот Кора своего положения не изменила, разве что из боевой трансформации вышла. И тут у меня под ложечкой нехорошо так засосало.

Спустился я одним прыжком, вскоре оказавшись лицом к лицу с Железной леди. Красивые губки Кору сейчас исказились от боли. А руками она сжимала живот.

– Как? – только и спросил я.

– Когда Гром на меня рухнула, я на секунду выпала из боевой трансформации, – чуть не плача призналась блондин-

ка. – Вот тогда меня и...

– Покажи, – я передал свой фонарь Громуше.

Кора убрала руки, и я аккуратно поднял разорванный на животе комбинезон. И чуть не выматерился. Потому что насчитал три укуса и один порез когтями. Тут даже никаких теоретических шансов, что могло повезти.

– Все так плохо? – спросила Кора.

– Да скажешь тоже, – я заставил себя улыбнуться. – Заштопаем, будешь как новенькая. Заживет до свадьбы, одним словом. Осталось только с женихами определиться.

Но стоило мне взглянуть на место ранения, как улыбка сошла с лица. Рана на животе Кору уже затянулась сама собой, лишь немного окропив юшкой разорванный комбинезон. А на месте одного из укусов кожа уже начала темнеть, превращаясь в мерзкую черную корку.

Глава 5

– Ну что ты на меня смотришь?! Лечи!

– Давай, Шипастый, въеби ему! – бесновалась Бумажница, то ли правда соглашаясь со мной, то ли желая вывести из себя.

Только голос валькирии немного привел меня в чувство. Еще чуть-чуть – и я действительно бы слетел с катушек.

В одной из комнат уже натопленной квартиры нас было четверо: Миша, Алиса, я и находящаяся в беспмятстве, обнаженная по пояс Кора. Последняя лежала прямо на полу посреди ковра, который сейчас действительно задавал стиль всей комнате. Кора постоянно шевелила губами и дергала конечностями. Бредила, одним словом.

Все остальные столпились за дверным проемом, а если быть точным, еще дальше, за Гром-Бабой. Та со словами «Нечего тут смотреть» вытолкала всех наружу. Правда, теперь именно этим и занималась. Прижала пухлую руку ко рту и глядела на Кору. Судя по выражению Громуши, в ранении блондинки она винила себя. Нашла чем заниматься.

– Не получается, Шипастый, – покачал головой лекарь. – Точнее, получается, но уж слишком медленно. Я не успею ее полностью вылечить, силы закончатся раньше.

Алиса вопросительно посмотрела на меня, однако руки с тела «подруженции» не убрала. Я поразился спокойствию

своей пассивности. Она будто дзен постигла. Ну, или делала вид, что все происходящее здесь ее не касается. Ага, а при этом продолжала тратить свою силу, замедляя ток крови Кору.

Это Миша придумал – ввести раненую в состояние, близкое к искусственной коме, чтобы зараза распространялась медленнее. Но и это нам не помогло. Даже два парамедика не могли спасти Кору своими методами.

Яд, или токсин, который переносили крысы, оказался слишком сильным. За время, пока мы донесли сюда раненую, три мерзких отметины на животе потемнели еще заметнее и зарубцевались. Теперь они напоминали огромные корки засохшей крови, с той лишь разницей, что находились не только на поверхности кожи, а вгрызлись еще глубже. Это если верить рукам. Как там на самом деле – хрен его знает.

– Хорошо, хорошо, – я пытался соображать.

И понимал лишь то, что ничего хорошего здесь нет. С момента ранения Белоручки до его превращения в непонятно что прошло несколько часов. Значит, времени у нас мало. Замечательный вывод, просто отличный. Тебе, Шип, с таким аналитическим умом надо в какую-нибудь академию наук.

Традиционными мерами Мише Кору не вылечить. Он не успеет убрать эту гадость. Значит, придется действовать грубыми и непопулярными методами. И будем надеяться, что зараза не задела внутренние органы. Потому что запасных у меня под рукой нет.

– Миша, сколько ты можешь поддерживать ее? Не лечить,

а именно поддерживать, чтобы зараза не двигалась больше?

– Значительно дольше, – задумался тот. – Минут сорок. Но это все ориентировочно.

– У меня секундомера все равно нет, проверять не буду. Громуша, что у нас там есть из обезболивающих?

– Ибупрофен точно был, – не убирая руки ото рта, ответила она.

– Блядь, ты мне еще нурофен с клубничным вкусом предложи. Давай шустрее, ищи самое мощное. Слепой, ты здесь?

За могучим телом Гром-Бабы трудно было кого-то разглядеть.

– Здесь, – старик протиснулся вперед.

– Ставь воду и продезинфицируй это, – я передал ему «Солдатику». Тот был наиболее острый. Все-таки затачивать ножи, как и со скуки чистить автоматы, являлось хорошей привычкой. Потому что оружие всегда должно быть в идеальном состоянии. Не знаешь, когда оно может пригодиться. – И еще вот это. – Я передал ему несколько закругленных иголок и синтетические нити, которые нашел давно и сразу мысленно отвел под эти нужды. На черный день. И вот он наступил.

– Ты что задумал, Шип? – подала голос Алиса.

Очень смешно, вот именно сейчас ты решила начать тревожиться?

– А на что это похоже? – я утер непонятно откуда взявшийся пот со лба. Фуф, че ж так жарко-то? – Если тебе

непременно нужно как-то это назвать, то пусть будет полевой хирургией в условиях... короче, в херовых условиях.

– А если... – Алиса замялась. – Если ты убьешь ее?

– Она все равно умрет, – сказал я одновременно с Бумажницей. Вот только валькирия произнесла это с некоторым равнодушием, как свидетель неинтересного действия, а я – с бешено стучащим сердцем.

А тут и Громуша подросла, держа в руках развороченную аптечку.

– Вот, – она протянула разные упаковки. – Найз, парацетамол, ибуклин и промедол.

– Это что? – я указал на белую пластиковую баночку с оранжевой полосой, до боли знакомую. – Гидроморфон?

– Не знаю, тут по-импортному написано, – прищурилась Громуша.

– Он, – кивнул я сам себе, выхватывая таблетки из рук танка. – Чего стоишь, давай воды.

– Это что еще такое? – спросила Алиса.

– Болеутоляющее, хорошее. Полусинтетическое производное морфина.

– Ты откуда знаешь?

– Матери доставал, когда умирала, – быстро ответил я. – У нас с препаратами для онкобольных беда, пришлось импровизировать.

– Прости, Шип, я не знала, – Алиса попыталась дотронуться до меня.

– Куда?! Держи ее, – тут же встрепнулся я. – Да ничего страшного, она быстро отмучилась. Всего за три месяца сгорела.

Чувство юмора Голоса начинало меня порядком раздражать. Если сначала это было смешно, то теперь хотелось плюнуть в лицо этому недоумку. Надо же именно сейчас вспомнить о матери...

Перед глазами возникло ее усталое, осунувшееся лицо и взгляд, полный боли и отчаяния. В последние дни у нее не осталось сил даже поест. Я поил ее бульоном на мясе. А она ласково гладила меня по лицу, приговаривая: «Дунечка мой».

На глазах против воли выступили слезы, а на грудь словно горячий утюг положили. И еще появилось какое-то странное, незнакомое доселе чувство. Будто я нашел ранее утраченную часть себя и теперь не знал, что же с ней делать.

«Дунечка». Что это значит? Прозвище или производная от имени? Я попробовал диковинное слово на вкус, покатал на языке. Непонятно. «Дунечка»...

– Шип, ты в порядке?

Негромкий голос Алисы прозвучал оглушительнее выстрела гаубицы. Меня даже передернуло. Не от неожиданности, а от понимания, насколько чужеродно звучало данное слово. Потому что теперь я понял: это не мое имя, и никогда моим оно не станет.

– В полном, – ответил я ей.

А сам вытащил две таблетки. Подумал чуть-чуть и прибавил к ним еще одну. Да, побочных у лекарств много, но и боль будет нешуточная. Раскрошил их и, дождавшись воды, заставил Кору выпить. Впрочем, «заставил» – не совсем то слово. Блондинка припала к стакану, как выживший в пустыне. Правда, глаза так и не открыла.

– Шип, может, эти таблетки у меня побудут? – шепотом предложила Алиса.

– Отставить дрожать очком, – хмыкнул я. – Не переживай, я наркоманить не собираюсь. Не мой тип. Я ухожу от реальности при помощи старой доброй синьки.

С этими словами я достал ополовиненную уже бутылку водки, выдохнул и сделал пару глотков. Провернул все настолько мастерски, что Алиса даже возмутиться не успела. А когда открыла рот, тут же отрубил:

– Чтобы рука не дрожала.

Наконец все было подготовлено. Кора совсем притихла – значит, таблетки подействовали; а мне принесли «Солдати́ка», иголки и нитки на железной глубокой тарелке и еще одну миску. Я даже догадался, для чего.

– Слепой, ты держи за руки, Псих, за ноги. И не зевайте. Я бы не хотел прирезать Кору из-за того, что вы облажались. Сейчас приду.

Мытье рук заняло еще пару драгоценных минут. Во время этого процесса я не столько старался тщательно намылить свои грубые пальцы, чтобы, не дай бог, не занести ин-

фекцию, сколько настраивался на нужный лад. Вот только он все не приходил. Что ж, если у меня нет настроения оперировать, то я оперирую без настроения. Всего-то и делов. Я кивнул, и Крыл стал сливать мыло с рук своей «настоящей» водой.

Возвращение в комнату походило на дешевенький русский триллер по «РЕН-ТВ». Куча жмущихся к стенам людей в коридоре и склонившиеся над несчастной сатанисты, решившие принести ее в жертву. Потому что оперировать в таком месте чревато резким ухудшением здоровья. С другой стороны, выбора у нас никакого. Думаю, вряд ли во всем доме совершенно случайно окажется операционная. Да и времени совсем не осталось.

Я взял теплый нож в руки и тяжело выдохнул. Осторожно потрогал чернеющий ороговевший кусок того, что раньше было кожей блондинки. Теперь это напоминало омертвевшее дерево или частицу каменного угля. Судя по пальпации, эта хрень ушла глубоко. Будем надеяться, что ненамного. Как жить без кишок, я еще не придумал.

Нож скользнул по краю корки, словно по грубому куску железной руды, и легко впился в теплую плоть. Раненая громко застонала. Я почувствовал, как напряглось ее тело. Однако с уверенностью сумасшедшего мясника продолжал свое дело. Чем дальше приходилось погружаться, тем более сильным становилось беспокойство Кору. Что ж, я ее понимал. Мне данная процедура самому не нравилась. Каждое

движение ножом отдавало по собственным нервам, словно это меня резали.

– Не зевай, – кинул я Алисе. – Видишь, крови сколько пошло.

Короткое замечание подействовало. Бегущие сквозь мои пальцы ручейки сошли на нет. Так-то лучше. Еще минута – и внушительный кусок плоти плюхнулся в пустую миску. Я особой сентиментальности к ненужным частям тела не испытывал. По мне, вырезанные куски аппендикса, оставленные на память, и плацента в холодильнике – тревожный звонок для психики. Надеюсь, Кора, если выживет, не станет мне за это предъявлять.

Да уж, не думал не гадал, что когда-нибудь буду заниматься этим. Клиника липосакции Шипастого: дорого, больно, иногда смертельно. Вэлком, блядь!

Когда я закончил, то картина мне открылась неприглядная. В самой настоящей прорехе виднелись небольшая часть желудка и кишки. А ведь мы даже не в тех отношениях с Корой, когда мужчине позволяют так глубоко проникнуть в девушку. Я осторожно, стараясь ничего не задеть, зачистил чернеющие края открытой раны. Вроде не все так плохо, как могло быть.

Следом наступил черед кройки и шитья, точнее, только шитья. Вот точно не представлял, что после стольких шевронов и подворотничков дойдет пора до кожи. Но все бывает в первый раз. Правда, шло наложение швов довольно хреново

– лишний вес Кору сыграл свою роль. Или иголка оказалась маловата. Стежки получились неаккуратными, неровными, словно у хирурга-недоучки. А, ну то есть все в порядке.

Со следующей ороговевшей коркой дело пошло быстрее. Наверное, вся мулька в том, что я почувствовал себя намного увереннее. Вроде как небольшой опыт появился. Не зря же говорят: глаза боятся, а руки делают. Пару раз охрана в виде Слепого спасла меня от внушительного синяка, а саму Кору – от глубокого ножевого ранения. Но ничего, обошлось.

Казалось, что сейчас все вокруг перестало существовать. Не было ни проклятой зимы, ни насмешливого Голоса, играющего с моими воспоминаниями, как расшалившийся ребенок, ни вообще этого мертвого Города, населенного отчаявшимися людьми и уродливыми созданиями. Ну, или отчаявшимися созданиями и уродливыми людьми. Признаться, на каком-то этапе я уже перестал видеть разницу.

Вся огромная Вселенная сократилась до размеров этой крохотной комнаты, где куча людей боролась за одну жизнь. Они словно пытались сохранить угасающий на сильном ветру огонь свечи.

Последняя корка оказалась, как назло, самой сложной. Пришлось снять изрядный кусок кожи, а потом еще долго зачищать края от черных струпьев. Здесь зараза стала добираться до внутренних органов. Но их я трогать не решился. Мише придется постараться, но большего я сделать уже не

могу. Будем надеяться, что его сил хватит.

Ты уж прости, Кора, но ты вряд ли теперь сможешь загорать на побережье в открытом купальнике. Правда, я как-то и не видел в Городе хороших пляжей. Да и погода не особо располагает.

Мне то и дело приходилось отворачиваться, чтобы утереть пот, стекающий с носа, о собственный рукав. Где тут сестра, которой можно кричать: «Тампон!»? Никакого сервиса в этой больнице.

Наконец последний пораженный кусок бывшей части живота Кору был брезгливо отброшен в сторону, и я принялся зашивать. Пальцы скользили в крови, глаза застилал пот, да еще пациентка внезапно решила проявить активность. Не лежится ей, мать-перемать.

И лишь после нескольких растянувшихся в вечность минут я опустил руки, ошарашенно глядя на изуродованный с точки зрения пластической хирургии живот Кору. Мыслей не было, сил тоже, просто чудовищная усталость, словно я пробежал сорокакилометровый марафон.

– Вот ты псих, Шипастый, – то ли с восхищением, то ли со страхом сказала Бумажница.

– Есть такое, – признался я. А вслух добавил другое: – Миша, лечи ее. Делай все, хоть мехом внутрь вывернись, но она должна жить. Понял?

Лекарь с небольшой заминкой пожал плечами. Мол, сделаю что смогу. Ну да, Миша не из тех людей, кого можно

брать на понт. Но в то же время он сразу принялся за дело.

– Алиса, продолжаем по старой схеме, – сказал лекарь. – С тебя минимальный ток крови.

Я наконец-то вытер тыльной стороной ладони пот со лба. Но лицо почему-то стало еще более мокрым. Понимание, что мои руки все в крови, пришло не сразу.

Я поднялся и поплелся на улицу, чтобы оттереться с помощью снега. Надо будет набрать его побольше, и поставить воду греться, чтобы вспомнить молодость и помыться из тазика. Потому что даже после того, как я вытер руки и лицо, гадливое чувство собственной замаранности не прошло.

Зато холодный воздух здорово прочистил мозги. Меня сразу как-то чуть-чуть попустило после «операции». Родилась мысль, что все в порядке и жизнь продолжается. Я не знал, что будет с Корой, но все от меня зависящее для ее существования мы сделали. Теперь надо думать, что же станет с нами.

В квартиру я вернулся довольно скоро. Атмосфера здесь была неживая, давящая. Говорили все шепотом, ходить старались на цыпочках, чтобы не обращать на себя внимание. Будто рядом находился покойник. Я заглянул в комнату, где теперь оставались только Миша и прекрасная (на самом деле, благодаря боевой трансформации – нет) Алиса. Лекарь по-прежнему работал. Значит, все нормально. Пока нормально.

Зато я выцепил в коридоре Слепого и Крыла, после чего

отволок их в подъезд, где уже и выложил две имеющиеся у меня гранаты, дав каждому по одной.

– Короче, судя по всему, застряли мы здесь. До темноты, а она уже скоро, перебраться в другое место не успеем. Да и непонятно, что потом с Корой будет. Если выживет, мы здесь точно на несколько дней. Если нет... – я заставил себя это сказать, хотя, судя по испуганному лицу Крыла, он такой возможности даже не допускал. – Алиса и Миша все равно почти истощены. Заночевать придется тут.

Старик и мальчишка смотрели на меня серьезно, даже не пытаясь перебить. Правильно говорят, что самый успешный метод расположить к себе собеседника – выслушать его.

– Ты, – сказал я пацану, – сейчас летишь к очагу крыс, выбираешь наиболее жирный выводок, выдергиваешь чеку и бросаешь в него. Потом улетаешь, делаешь небольшой круг, возвращаешься и наблюдаешь. Через полчаса немного попетляешь и вернешься. Лучше, если сначала полетишь в другую сторону.

– Думаешь, крысы кнокут, что к чему, и будут пытаться меня отследить? – удивился Крыл.

– Думают в штабе округа, а я перестраховываюсь, – проигнорировал я непонятное слово. – Помнишь, как чеку выдергивать? Я тебе показывал.

– Помню, дядя Шип. Я что, дурак совсем?

– Ты прав, не совсем, – я вымучил улыбку и потрепал пацана по волосам.

– Слепой, тебе выбираться на холод не нужно, но у тебя задача, наверное, более опасная. Надо завалить проход в подвале.

– Другими словами, необходимо пройти по нему пару десятков метров, чтобы дом, не ровен час, не шложился, а потом тем же макаром вернуться? – старик почесал лоб.

– Все так, – подтвердил я.

– Ну, попробуем ш Божьей помощью. Разреши выполнять?

– погоди минут десять, чтобы Крыл до очага добрался. Думаю, все крысы ломанутся домой, когда поймут, что их логову угрожает опасность, и шансов встретиться с какой-нибудь приятной зверушкой у тебя поуменьшится.

– Понял, Шипаштый, – кивнул старик.

– Давайте, мужики, работаем, – я поколебался, но все же добавил: – С Богом.

Крыл поежился, будто заранее готовясь к неприятному полету, и выпорхнул наружу. Слепой протер очки, вытащил фонарь и поплелся вниз. А я отправился в квартиру.

На сей раз заходить в комнату не стал. К тому же нашу врачебную команду задолбало постоянное внимание остальных членов группы, и они закрыли дверь. Я лишь слышал через щель под ней редкие слова Миши. Сел тут же, облокотившись спиной о стену, а руки положил на колени.

Сон пришел быстро, стоило чутко притулить голову. Хотя это было больше похоже на беспокойную дрему. Передо

мною все возникал уплывающий образ матери. Она находилась вроде бы близко, но в то же время не слышала меня. А я все кричал, грозя сорвать голос: «Что значит «Дунечка»?»

Проснулся я от странного звука. Это было нечто среднее между завыванием одинокого волчонка и пением ветра в водосточной трубе. И не сразу понял, что звук исходит из-за закрытой двери.

Стоило подняться и подойти к ней, как она открылась, и на пороге возникла Алиса. Я отшатнулся от бледной пассии, словно девушка вновь находилась в боевой трансформации.

– Что там? – спросил я, когда Алиса закрыла за собой дверь.

– Пришла в себя... Плачет.

От этого слова меня точно ударили по лицу. Сочно, размашисто.

– Ты зайдешь к ней? – спросила любовница.

– Нет, – ответил я, понимая, что не хочу сейчас видеть Кору с растерзанным мною животом.

Думаю, и она не горит желанием пока лицезреть меня. Да я и сам был не в том состоянии, чтобы принимать благодарности. Если она вообще будет.

– Пусть плачет. Слезы – это хорошо, – будто убеждал я сам себя. – Плачет – значит, живая.

Глава 6

Забавно, что человек может приспособиться к любому месту проживания. Еще вчера это был незнакомый нам чужой квартал, взирающий на пришельцев холодными глазами-окнами. А теперь стал вполне себе приемлемым убежищем.

Люди Башки нашли широкие лопаты и сделали дорожки к соседним подъездам. В первую очередь, конечно, для того, чтобы продолжать понемногу мародерить, таская вещи из брошенных квартир. Гром-Баба отмыла комнаты и даже хотела пробить проход к соседям, потому что всей толпой, вместе с Корой в отдельной комнате, мы уже не помещались. Но я уговорил пока этого не делать. Будет только холоднее, а на полу тоже можно спать. Девчонки утеплили окна и явно оказались готовы перезимовать здесь столько, сколько потребуется.

Да и у меня все было относительно неплохо с гастрономической точки зрения. Разведчики в первый же день принесли четыре бутылки водки, пузырь трехзвездочного армянского коньяка и какую-то сивуху домашнего производства, отдаленно напоминающую крепленое вино. Последнюю я оставил на черный-черный день, потому что от двух стаканов этого прелестного напитка у меня началась изжога. Ну да, не все йогурты одинаково полезны.

Выпавшие кристаллы с крыс поделили поровну на пяте-

рых – меня, Алису, Чудика, Кору и Гром-Бабу. Хотя было бы что делить. С одной особи выпадало по две-три единицы опыта. Учитывая то, что, на мой взгляд, эти твари были опаснее «собачек» по причине своей заразности, Голос явно продешевил. А нам досталось всего восемьдесят две единицы опыта. Слезы. Я даже внимания не обратил на выскочившее оповещение, когда поглотил кристаллы.

Шипастый. Лидер группы

7 уровень

Доступны способности

278/1500 опыта

Что касается Кору, Миша сказал: «Все вроде как получилось». Меня только напрягло это «вроде как». Но Кора действительно была жива, новые черные корки не появились. По словам Миши, пару дней ей еще точно придется полежать. По мнению лекаря, данный срок был минимален для того, чтобы раненая без всяких осложнений смогла самостоятельно продолжить путь. Пока она лежала взаперти и показываться не торопилась.

Но самое интересное произошло с моей командой зачистки. Слепой вернулся первым, протягивая РГД-5 обратно. И объяснил, что на обрушение лаза хватило способностей. Я как-то и позабыл про его разрывные гранаты, которые выпускали иглы в разные стороны. Оказалось, что если собрать

их в одном месте порядочное количество, вложить побольше силы и применять, пока не надоест, это даст определенный результат. По словам старика, теперь лаз был обрушен в трех местах.

Впрочем, это оказалось лишней предосторожностью, ибо после вояжа Крыла крысы нам больше не могли угрожать. Потому что пацан взял и... уничтожил очаг.

– Погоди, давай-ка еще раз, как для прапорщиков. Помедленнее и два раза.

– Короче, я сделал все, как ты говорил. Нашел самый большой выводок. Только это было не одно существо, а будто переплетенное из многих. И вот эту хреновину все остальные мутанты слушались. Прикольная фишка, да?

– Крысиный король, – кивнул я, вспомнив множество городских баек.

– Самое смешное, что он действительно король. У одной из крыс, что побольше и наверху, на голове была корона. Кривая, правда. Но это еще не все. Там ходили эти... – Крыл почему-то поежился и посмотрел в сторону комнаты, где заперлась Кора.

– Женщины, заштопанные неумелым хирургом? – связывил я.

– Обращенные, – выдавил из себя Крыл. – Тех, кого покусали крысы. И это жесть как кринжово.

– Так, а вот с этого места поподробнее, – я даже ближе придвинулся к пацану. – Не с этимологии слова «кринжово»,

а про обращенных.

– Они ходят медленно и... скрипят. Еще напоминают ожившие камни. У кого-то нет руки, у кого-то ноги или двух.

– Получается, крысы нападают на людей с тем, чтобы сожрать их. Но если переход происходит слишком быстро, они оставляют жертв, потому что они для них больше несъедобны. Как мутанты реагируют на обращенных?

– Никак, – ответил Крыл. – Словно те предметы мебели.

– Еще один вопрос: почему обращенные пришли именно к очагу? Что ими движет?

Крыл пожал плечами. Ну да, что-то я многого хочу от одного молодого парнишки. Но больше было интересно, как один маленький разведчик расправился с целым выводком. Потому что стоило мне открыть интерфейс, как там выпало следующее:

Промежуточные итоги состязания:

1 место – ...

28 место – группа Шипастого.

100 место – ...

Что наводило на определенные размышления. Во-первых, это уже совершенно очевидно, людей стало гораздо меньше. Если вспомнить историю с волками, то пришлось очень сильно попотеть, чтобы влезть в десятку. А тут всего лишь один уничтоженный очаг – и уже двадцать восьмое место.

Что еще? Бывших людей Башки здесь не было. Либо они, как и мы, решили забить большой и толстый болт на приколы Голоса, либо уже... не в состоянии его забивать. Такой вариант тоже возможен. С другой стороны, нам какая разница? Умерла так умерла.

– Ладно, – прервал я поток своих рассуждений. – Лучше расскажи, как ты уничтожил очаг.

– Да просто, – пожал плечами Крыл, будто каждый день только этим и занимался. – Все сделал, как ты и говорил. Увидел самый большой выводок, им оказался король, подлетел поближе, выдернул чеку и бросил в него гранату. – Крыл замолчал, оглядывая собравшихся и явно ожидая похвалы. Не дождавшись одобрения, он тяжело вздохнул и продолжил: – Этот король и разлетелся на части. Сначала все замерло. Крысы будто оцепенели. Следом они бросились на то, что осталось от короля, а уже потом стали рвать друг друга.

– Охренеть, – выдавил Тремор. – Вот ты, брат, красавчик. Ты сам просек, что так будет?

– Ну, – замялся Крыл, покраснев от похвалы, – я, конечно, предполагал, что так может все обернуться...

Я не стал обрывать неумелое вранье пацана. Это его минута славы, пусть потешит свое самолюбие. Иногда подобное даже полезно. А зазвездиться ему тут не дадут, уж я точно.

– Что с обращенными? – спросил я.

– С ними ничего, – ответил Крыл. – Стоят там, будто ничего не произошло.

– Занятно. Что-то же их держит, даже после смерти всего выводка. Ладно, Крыл, завтра слетаем туда поглядим. Кристаллы твои подберем. Тебе же пора становиться боевым Ми-24.

От предложения слетать Крыл сник, потому что понимал, кто будет основной тяглово-вертолетной силой. Но кивнул. А куда он денется с подводной лодки? Тут всего несколько кварталов. С него не убудет. Если что, всегда можно приземлиться на крыше и передохнуть. Просто пешком все это будет намного дольше. Да еще эти обращенные меня слегка настораживали. Хотелось бы иметь альтернативные пути отступления.

К тому же весь полученный опыт действительно надо сообразать. Это когда небольшую сумму делишь на пять, то получаются крохи. А когда большую делить ни на что не надо, выходит очень даже здорово.

На ночь я выставил в караул Алису, хотя та и слабо сопротивлялась, мол, от кого теперь нам защищаться? Вопрос был резонный. Но я рисковать не хотел. Нашлись же дураки, которые решились облюбовать этот квартал. Значит, существует крохотная вероятность, что какие-нибудь придурки могут проходить мимо. А если среди них будет хоть один глазастый тип, то он сразу срисует запотевшие окна в квартире. Да и в конце концов, гораздо удобнее спать одному, когда тебя во сне никто не тычет под ребра.

– Чудик, Тремор, хорош трепаться, – недовольно бросил

я. – Давайте спать.

Вот еще повод для беспокойства. Мне начало казаться, что Молчуны все время шушукаются, словно готовят какой-то заговор. Стоит окликнуть одного из них, так сразу замолкают. Паранойя? Возможно. Но даже если это мой придуманный головняк, дополнительного спокойствия он не приносил.

– Зря ты не поглотил Тремора, – периодически шептала мне на ухо Бумажница. – Молчуны бы стали слабее.

И если бы мне искренне не нравился этот непосредственный парнишка, я бы с ней согласился. Сколько добра принес гуманизм в Городе? Вопрос, что называется, риторический.

Впрочем, в эту ночь произошло еще одно интересное событие. Потому что среди общего сопения сквозь глубокий сон я слышал собственное прозвище, повторяемое вновь и вновь. А когда открыл глаза и не обнаружил никого рядом, проснулся окончательно.

– Шипастый.

Голос был тихий, точно говорили шепотом, настойчивый, чуть прокуренный и глубокий. Но самое главное – мне доселе незнакомый. Значит, еще один обитатель артефактов Культа решил поговорить?

– Кто ты?

– При жизни меня звали Молот, – представился любитель побеседовать в темное время суток. – Настоящее имя, как ты понимаешь, я не знаю.

– И чего ты хочешь, Молот? – я лег на спину, положив руки под голову. Обожаю беседовать сам с собой ночью.

– Предостеречь, Шипастый. У нас тут вроде как собралась коалиция против тебя. Пять человек. Ну, или тех существ, которыми мы теперь являемся.

Я кивнул. Бумажница, Хриплый, Женщина, скорее всего, пацан и, получается, еще тот недовольный старик? Говорил он мало, я ему даже прозвища не дал.

– И они одержимы идеей завладеть этим телом.

– Не лучший выбор.

– Согласен, – мне даже почудилось, что я вижу, как Молот кивнул. – Селезенка увеличена, сердчишко тоже так себе. Да и легкое скоро придется удалить.

– С какого это хрена? – искренне удивился я.

– Придется удалить, чтобы печень влезла.

– А ты неплох, Молот, – усмехнулся я. – Скажу даже редкую вещь: ты мне нравишься.

– Прости, я на сегодня занят. Запомни самое главное: с каждым присоединенным артефактом сильнее становишься не только ты, но и мы. Потому что каждый из нас теперь – часть тебя.

– Это не прям приятная новость. Но скажи на милость, ты мне зачем это все говоришь?

– Ты неплохой человек. Не идеальный, с кучей слабостей и недочетов, но со своими моральными принципами. Ты сделал все, чтобы спасти эту девочку. Город до сих пор не смог

сломать тебя. А он пережевывал и выплевывал людей и по-сильнее.

Я хмыкнул. Ключевое слово «до сих пор». Потому что с изменением человека меняются его моральные принципы и жизненные установки. Печально, но факт.

Хотя мне в определенной степени польстило заявление Молота. Получается, не зря мы спасали Кору. Но несмотря на то что с каждой новой минутой расположение к незнакомцу все больше увеличивалось, доверять я ему не торопился.

– А эта Бумажница, да и остальные – простые рвачи. Как только они сведут тебя с ума, то тут же передерутся между собой.

– Ну, спасибо, – пожал плечами я. – Значит, с каждым новым артефактом вы становитесь сильнее. Получается, нужно перестать их собирать?

– А вот это уже невозможно, – почему-то развеселился Молот. – Понимаешь, в чем дело... Я не только часть тебя, но еще и часть этого проклятого Сердца. И кое-что чувствую. Все артефакты связаны. Голос лишил их силы и разделил. По иронии судьбы, Жрецы считают Голос своим господином, но при этом не подчиняются ему.

– Это как?

– Они вроде заявленной программы, у которой есть конечная цель.

– И эта цель – создать артефакты?

– Скорее, пересоздать артефакты, потому что они уже дав-

но созданы. А после передать их достойному.

– Херня какая-то, – честно признался я.

– Согласен, для нас, людей, это звучит немного диковато. И, возможно, я не в совершенстве все сформулировал, но именно так я чувствую.

– Хорошо, допустим. Вот жрецы, как ты выразился, передали артефакт достойному. Хотя, по правде тебе скажу, с виду этот мужик в капюшоне не горел желанием расставаться с вещичкой. Так вот, они передали все артефакты. Что дальше?

– Как только человек соединяется с артефактом, последний начинает тянуться к себе подобным. И оказывает всяческое воздействие на того, кто его носит. Понимаешь? Человек, владеющий им, неосознанно делает все, чтобы завладеть новой частью.

– Ага, чтобы в конце остался только один, – хмыкнул я. – И звать его будут Дункан Маклауд.

– Вроде того, – легко согласился Молот. – Ты соединил две части. И теперь, осознанно или нет, но тебя будет тянуть к остальным артефактам.

– И чем больше я их соберу, тем сильнее Бумажница и ее компашка станут. Так? Пусть я неосознанно буду тянуться к этой херне, но неужели ты думаешь, что у меня не хватит ума не трогать то, что в скором времени навредит мне?

– Или сделает непобедимым, – ответил Молот. – Потому что, собрав все артефакты вместе, ты получишь уникальное

оружие. А знаешь для чего оно нужно? Почему Голос разделил артефакты и лишил их силы? Думай, Шипастый, думай.

– Потому что он боится артефактов...

– Кто боится артефактов? – сонным голосом спросила Бумажница.

И тут я понял, что в наш увлекательный разговор ворвался посторонний человек. Видимо, падшая валькирия слышала только мою последнюю фразу, потому что бучу не подняла. Пришлось изворачиваться:

– Да так, рассуждаю. Мне показалось, что прошлый жрец сам боялся артефактов, – коряво соврал я.

– А, не знаю, я ж его не видела, – ответила Бумажница. – Вот тянет тебя на разговоры с самим собой. Тут вообще-то люди спят.

Ну, большой вопрос, люди ли вы. Хотя забавно, что заключенные в артефакте тоже придерживаются того же порядка, как и все остальные. Или... они хотят себя вести как люди. Вот это, наверное, наиболее вероятно.

Бумажница замолчала, а я так и глядел в пустой темный потолок. И как теперь, спрашивается, уснуть? После всего-то услышанного. Скажу честно, слова Молота произвели на меня сильное впечатление. Конечно, можно представить, что это все – часть глобального плана, чтобы в очередной раз сильнее нагнуть Шипастого. Но все-таки слишком уж абсурдный рассказ был сочинен для подобного. И опять же, выбрал Молот время, когда все остальные «спят». Потому

что хотел побеседовать наедине.

Итак, что мы имеем? Голос разделил артефакты и лишил их силы. Значит, в рабочем состоянии они представляют для него опасность? Почему не уничтожил? Ответ простой: потому что не смог или не имел права. Забавно и абсурдно.

Исходя из этого есть несколько не менее невероятных вариантов моего существования здесь.

Первый – научный. Все это – часть виртуальной реальности. Крыл долго и подробно задвигал на эту тему. Мол, давно ведутся опыты над оцифровкой личности. Если на минуту представить, что все это так, то Голос – своего рода искусственный интеллект, а артефакты – вредоносные программы, которые ему могут навредить, если собрать их вместе. Иначе зачем было их разделять? Вопрос в другом: если я набор нулей и единиц, что со мной станет, если я уничтожу владельца этой системы?

Вариант второй, метафизически-волшебный. Голос – бог. Не тот, которому строят церкви и который пишется с большой буквы. Скорее, такой крохотный, из Средних веков. Скандинавский ас на пенсии. Все вокруг – плод его фантазии. Но и против этого засранца есть методы. Магическое оружие, которое достанется тому, кто соберет все части. И что тогда? Рагнарек?

Вариант третий – конспирологический. Все реальность, просто очень херовая. Скажем так, реальность курильщика. К примеру, над нами действительно ставят эксперименты.

Собаки, крысы, Чебурашка – мутации из лабораторий. Зима – это просто зима. Жрецы – двинутые военные. Да мало ли кто? Голос – командующий или наместник с ограниченным функционалом, который не может делать все что хочет. Почему-то эта версия мне понравилась больше всего.

Я уснул лишь под утро, наполненный мыслями, как ночная ваза жидкостью. Разбудил меня шум шагов и холодные руки Алисы, оказавшиеся под свитером. Блин, вот зачем так делать? Пусть голова и была тяжелая, но сна теперь ни в одном глазу. За окном, кстати, уже вовсю светило солнце. Ну, то есть где-то наверху, за плотной пеленой туч, оно, наверное, светило. Я к тому, что сумрак уже рассеялся.

– Ты чего только пришла? – спросил я.

– Один наш мудрый руководитель забыл внести изменения в список караульной службы.

– А что там не так? – удивился я. – Тебя же должна была сменить...

– ...Кора, – перебила меня Алиса.

– Извини, забыл.

– Да ничего, все в порядке. Слепому все равно не спится.

Вот он и побрел на крышу.

Старик, старик, иногда мне кажется, что мы тебя недостойны.

– Ладно, отдыхай, – я чмокнул ее в лоб. – Нам все равно скоро с Крылом вылетать.

Я поднялся на ноги и аккуратно прошел между лежащей

на полу инсталляцией «Родственники в Москве проездом всего на денек». Добрался до кухни, налил себе немного фильтрованной талой воды. Нет, это был ни хрена не сон. Я все помнил слишком четко. Молот, артефакты, Жрецы, Голос. Получалось, чтобы навредить этому засранцу, мне надо собрать все части воедино. Но при этом я буду усиливать не только себя, но и Бумажницу. Расклад, конечно, офигенный. С другой стороны – навредить Голосу. Если получится, то в этом случае и на день рождения можно ничего не просить.

От безделья я добрался до комнаты Кору и прислушался. Тихо. Дурак, а как еще должно быть? Кора не храпит, в отличие от Миши, будь он неладен. С другой стороны, не слышно ни стонов, ни плача. Помнится, когда меня штопали в госпитале, перевернуться с левого на правый бок было целым приключением. Значит, лекарь с моей кровавой ведьмой поработали на славу.

Любопытство взяло верх, и я медленно и тихонечко, чтобы ненароком не разбудить раненую, толкнул дверь. Смятая постель, несколько окровавленных бинтов и тот самый ковер, который задавал вид комнате. А больше никого. Кору здесь не было.

Глава 7

На мгновение, на короткий миг, я задался вопросом: как называется процесс полного офигевания, когда одна мысль наскакивает на другую, но вместе с тем ничего путного в голову не приходит? Нет, на своем рабоче-крестьянском я знал, как это называется. Емко, сочно, матерно. Однако даже это слово был не в состоянии произнести.

Вариантов имелась масса. Первый и самый вероятный – ни хрена мы Кору не вылечили. То есть подумали, что у нас получилось. Но реальность оказалась более чем сурова. И сейчас она, уже окончательно потеряв человеческий облик, плетется к своим новым товарищам. Тогда нам повезло, что Кора решила не убивать спящих людей.

Но почему Алиса не увидела бредущую прочь обращенную? Или они разминулись? Совпадения, конечно, бывают, но уж слишком их много.

В момент, когда я уже окончательно собрался с мыслями и был готов поднять тревогу и будить остальных, дверь тихонько скрипнула, и на пороге появился совсем не Санта-Клаус. Потому что этот мерзавец путешествует через дымовые трубы. И даже не Дед Мороз, который подменял своего католического коллегу там, куда последний не рисковал забираться. А именно Кора. Живая и почти невредимая, если не брать во внимание скрюченное положение девушки.

Видимо, передвижение давалось с большим трудом. Ну да, я же ее буквально вчера только оперировал.

Кора резко замерла, уставившись на выставленный в ее сторону автомат. Извини, как-то машинально получилось. Рефлексы работают быстрее мозга. Оружие я отвел, однако суровость в тоне осталась.

– Ты где была?

– В туалет ходила, – ответила она.

– Как в туалет?

– По-маленькому, – покраснела Кора. – А с каких пор тебя интересуют такие подробности?

Теперь настала моя пора смущаться:

– Я не к тому. Просто удивился. Сунулся в комнату, а тебя нет.

Кора откинула прядь светлых волос, которые норовили залезть в глаза. Даже сейчас, согнутая и бледная, она не утратила своей притягательной женственности. Та проявлялась во всем – в робком взгляде, легком движении, да даже в том, как она шмыгнула носом, чтоб меня.

Кора была более чем привлекательна, этого не отнять. А за последнее время похорошела еще больше. Питались мы сбалансированно, тут даже Гром-Баба иногда себе в сладком куске отказывала, а двигались порядочно. Вот Кора и избавилась от значительной части своего спасательного круга на талии.

Еще я отметил, как сильно они отличались с Алисой. Кра-

сота моей любовницы была агрессивной, словно рожденной на алтаре секса. Ею хотелось овладеть, грубо и жестко. Когда же я смотрел на Кору, во мне просыпались какие-то другие чувства. Появлялось желание приласкать ее, погладить. Иными словами, таких, как Алиса, трахали, а на таких, как Кора, женились.

– Я проснулась, никого нет, – пожала плечами блондинка. – А в туалет захотелось. Пришлось вставать.

Да уж, хороши мы спасители. Все сделали, а притаранить банальное судно не догадались.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил я.

– Бывало и лучше, – честно ответила Кора. – Живот болит, но в целом неплохо.

Стоило ей вспомнить о ране, точнее, о месте, которое я заштопал, как на глаза Железной леди навернулись слезы. Блин, вот не люблю жалость к себе, но сейчас Кора казалась маленькой девочкой, которую обидели.

Не оставалось ничего больше, кроме как шагнуть вперед и обнять блондинку. И уже тогда Кора разрыдалась. Причем даже в этом простом действии она старалась быть максимально деликатной – закрывала себе рот рукой, чтобы ненароком не разбудить кого. Но, по старой доброй традиции, судьба в очередной раз повернулась ко мне известным местом и даже приспустила штаны.

– Как трогательно, – прошипела Алиса, стоявшая в проходе. Видимо, она еще не успела уснуть и слышала весь раз-

говор. С другой стороны, в нем ничего такого и не было. А вот в том, что я стоял и обнимал Кору, думаю, по мнению кровавой ведьмы, — было.

Мы не сговариваясь отстранились друг от друга.

— Извини, я просто... — пробормотала блондинка.

— Не надо оправдываться, — отрубил я, у которого ревность Алисы сидела уже как кость в горле. — Ничего такого здесь не было.

— Потому что я подросла, да? — ехидно спросила моя пас-сия.

— Я, наверное, пойду, — Кора пошаркала в сторону комна-ты.

Я промолчал, гневно буравя Алису взглядом, однако и та не уступала мне в игре в гляделки. Упертая баба, блин. Будь мы в нормальном мире, так давно бы плюнул и ушел. А в Городе хрен куда сбежишь.

— Что, синдром спасателя проснулся?! — фыркнула Алиса.

— Ни хрена, а я чуть все не проспала, — по звуку я понял, что Бумажница даже потянулась. — Шипастый, эта дура, что, бессмертная?

Уж кто бы говорил. Однако мне понадобилось применить все свое самообладание, чтобы не сорваться.

— Во-первых, — холодно и в то же время негромко ответил я, — ничего во мне не просыпалось. Во-вторых, не все муж-чины и женщины только и думают, как бы друг друга пере-трахать. В-третьих, можно не орать, тут люди спят.

– Расслабься, Шипастый, – хмыкнула Бумажница. – Уже не спят.

Интересно, как это работает? Она, по сути, пользуется моими органами чувств, чтобы получать информацию о внешнем мире. При этом некоторые моменты подмечает раньше меня. Ответ был. И он мне категорически не понравился. Это все называется шизофрения. И такое ощущение, что Бумажница становится частью меня.

Но сказала она все правильно. Открыла глаза Гром-Баба, почти синхронно заворочались Крыл и Блокиратор, перестал сопеть Слепой. Алиса все так же стояла, гневно глядя на меня. Да и я почувствовал, что разговор закончен. Вышел наружу, даже дверью не хлопнул. Не мужчина, а слиток титана.

А уже в подъезде достал бутылку и сделал пару глотков. После выдохнул и вдохнул свежего воздуха. Вот и живи, блин, с бабами. Нет, я не к тому, что надо искать исключительно мужиков. Просто нельзя давать клевать себе мозг. Он у тебя один. А спиваться по вечерам из-за постоянных пропиллов жены – хреновый вариант. Лучше расстаться, чем мучать друг друга.

Проблема в том, что бросить Алису я не мог. От любви до ненависти один шаг. Не хватало еще ловить гневные взгляды от подчиненной. Это не реалити-шоу, где за год все сношаются друг с другом, а потом улыбаются на камеру. К тому же человек, расшатывающий моральный дух коллектива, –

это раковая опухоль. Со временем будет становиться только хуже. Поэтому вывод оказался неутешительный: надо было думать прежде, чем впервые снимать штаны. Теперь кушайте не обляпайтесь.

С этими невеселыми мыслями я вышел на улицу. На удивление, сегодня распогодилось. Всего-то и нужно было, чтобы не шел снег и не дул ветер. Надо же, даже зима в Городе может быть приятной. Я шмыгнул и прохрустел по узкой дорожке до угла дома к нужнику. И тут же остановился.

В условиях зимних санкций Голоса проблема с туалетом стояла остро. Канализация, конечно, работала. Однако поди найди столько воды для слива всяких ненужностей, которые выходят из человека. А нас тут, любителей погадить, целая толпа. Придется на растопку снега весь день тратить. Вот мы и обратились к опыту предков. Иными словами, сделали в родном квартале нужник в виде будки. Удобно, даже можно посидеть лишнюю секунду, подумать о смысле бытия, укрывшись от снега.

Как только поняли, что на новом месте придется остаться на неопределенный срок, то тут же занялись вопросами ассенизации. Поэтому за углом (чтобышний раз никто не пялился на твою голую задницу) выкопали небольшую яму. С учетом, что мы здесь тоже ненадолго. Ее застлали досками с отверстием диаметром сантиметров двадцать. А для дам Слепой даже притащил стул с гнутой спинкой, из которого самым варварским способом выбил сиденье.

Конечно, никаких стен мы воздвигнуть вокруг этой незамысловатой мебели не успели. Да и сам постамент со стулом больше походил на какой-нибудь перформанс гениального и непризнанного современного художника. Из тех самых, выставляющих писсуар за фонтан, а картину из трех разноцветных линий продающих за миллионы долларов. Но на безрыбье, как говорится, и рак рыба.

Я сделал свои дела и тут заметил вереницу крохотных следов. Они вели к выходу из квартала, но обрывались прямо у дороги. Судя по всему, это Кора выходила посмотреть на главную улицу. Что она там хотела увидеть? Или просто ради интереса аппетит нагуливала? Угу, с ее-то раной, когда каждый шаг давался с трудом?

Вроде ничего страшного не произошло, однако у меня под ложечкой засосало. Я доверял своему чутью. Благодаря ему из таких передрыг выбирались, как на войне, так и в Городе. Поэтому сейчас осмотрел все досконально. Нет, Кора дошла, постояла, а потом двинулась обратно. Летать, в отличие от Крыла, она же не умела. Хотя чисто технически, наверное, это возможно. Подставить себе под ноги здоровенный кусок листового железа и заменить им ковер-самолет. Но даже в этом случае сфокусироваться на металле и не свалиться вниз будет не самой простой задачей. Паранойя, это все паранойя. Неужели теперь Кора не может взять и прогуляться?

Да и с чего я решил, что это именно она? Вообще-то размер ноги средний, примерно тридцать девятый. Это могли

быть и тот же Чудик или Башка. Они у нас маломерки.

Я покачал головой и отправился обратно, думая, как лучше озвучить вопрос о странных следах. Немного покумекал и решил, что дождусь удобного случая и тогда уже поговорю с каждым отдельно. Вариант предъявить при всех «Какого черта вы там ходили?» звучал резковато.

К моему приходу уже встала большая часть боевой группы. Гром-Баба, по крайней мере, гремела на кухне посудой, давая понять, что скоро встанут все остальные, хотя они того или нет. Конечно, с таким уровнем шума-то. Кора не выходила из комнаты. Алиса дулась. В принципе, не могу сказать, что день начался как-то уж сильно плохо. Женщины часто пытаются наказать нас там, где мы видим поощрение. По крайней мере, денек не спорить с Алисой – это почти подарок на Новый год. А если повезет, то моя пассия решит серьезно обидеться.

Завтрак был легким. Гром-Баба даже не стала добавлять в геркулесовую кашу тушенки. Тревожный звоночек, на самом деле. Ну да, нас теперь больше на целую шестерку. В отличие от припасов. Хорошо бы найти в ближайшее время какой-нибудь схрон. Однако это из разряда купить лотерейный билетик и выиграть миллион. Все, что можно прихватизировать, кто-то уже точно упер. А если у него имелись хоть какие-то мозги, то и сам свалил из этой холодной тюрьмы.

А мы наконец отправились с Крылом на утреннюю разведку. Мне и в былые времена путешествия по Городу не при-

носили удовольствия. Вспомнить хотя бы поход в найденный Крылом магазин. А теперь, трепыхаясь на холодном ветру, я наконец-то понял, что, наверное, являюсь домоседом.

Трудно приходилось и Крылу. Он тратил колоссальные силы лишь на перевозку меня с дома на дом. Но в достаточно короткий срок мы добрались до нужного здания.

Бывший очаг расположился аккурат посреди перекрестка. Ну да, крысы-мутанты были слабы в ПДД. Ну, или митинговали против всеобщей глобализации, перекрыв движение транспорта. Главное, что все это осталось в прошлом.

Сейчас площадь Свободы (я ее окрестил так с легкой руки, потому что пацан действительно освободил перекресток от крыс) выглядела как-то нереально. Как картинка из компьютерной игры. В утоптанном сотнями лап снегу то тут, то там виднелись кристаллы. Они отливали на свету неким inferнальным, неживым блеском. Но при этом сомнений быть не могло – здесь лежал опыт. Куча опыта. И все это должно достаться Крылу.

Единственным половником дегтя в этой бочке меда оказались обращенные. Эти существа уже не ассоциировались с людьми. Они были скорее похожи на зомби из многочисленных зарубежных фильмов. Некоторые стояли, уперев свой взор в одну точку, другие вяло передвигались по бессмысленной траектории. И все будто находились в спящем режиме, явно чего-то выжидая. Вопрос – чего?

– Тут все просто, – пожал плечами я. – Надо спуститься

вниз и собрать камни.

– Не совсем, дядя Шип. Как только я оказываюсь на земле, они начинают агриться.

– Чего-чего делать?

– Ну, проявлять крайнюю степень агрессии.

– А сразу так нельзя было сказать? – поморщился я.

– «Агриться» короче.

– У нас ушло больше времени на объяснение и спор, – подытожил я. – Я тебя галоши мокроступами не прошу называть. Но зачем лишний раз все усложнять?

– Мокроступы, – усмехнулся Крыл.

– Еще скажи, что над эбонитовой палочкой и многочисленными в школе смеялся.

Крыл не ответил. Ну и зря. Я в свое время прям ржал. Но с меня и взятки гладки. Головехой не вышел, иначе бы приобрел какую-нибудь жирную мирную профессию, а не путешествовал по разным странам в качестве куска мяса.

– Давай, Крыл, продемонстрируй, как они агрятся.

Пацан не стал спорить, лишь тяжело вздохнул. Мол, вот с кем приходится работать. Но приказ выполнил. Спикировал с крыши дома поближе к стене и стал спешно набирать в инвентарь кристаллы. Хватило его секунд на шесть, потому что сначала ближайший обращенный с явно недовольным видом проворно поплелся к нему. За ним и все остальные, словно получили команду.

По мне, так, скорее всего, просто автограф хотели взять

у человека, уничтожившего целый выводок. «Напишите, пожалуйста: «Для каменного засранца. У меня жена из базальтовой скалы от вас в восторге». Но Крыл сегодня находился в дурном расположении духа. Поэтому дожидаться своих поклонников не стал. Легко взлетел обратно и укоризненно махнул в сторону обращенных рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.